

Б И Б Л И О Т Е К А

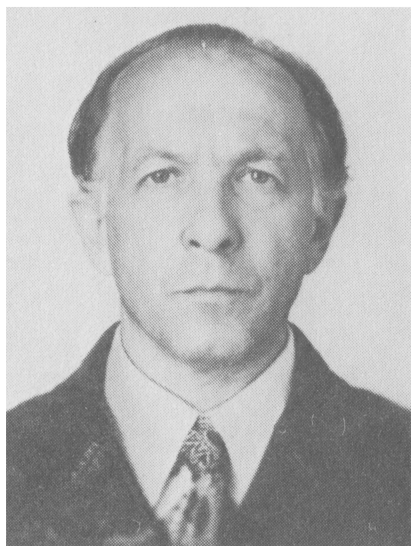
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 2

1990

*Станислав
ЛЕСНЕВСКИЙ*

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ГОЛУБЫЕ ВРАТА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 2

Издается с января 1925 года

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ

ГОЛУБЫЕ ВРАТА

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ

Станислав Стефанович Лесневский родился в 1930 году в Оренбурге. Окончил отделение русского языка и литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Работал учителем на Алтае, учителем и комсомольским пропагандистом в Красноярске, редактором в Москве. Учился в аспирантуре Литературного института имени А. М. Горького. Публикуется как литературный критик с 1950 года. Член Союза писателей СССР, старший научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР.

Автор книг «Завещанное, заветное» (проблемы сбережения памятников и памятных мест), «Путь, открытый взорам. Московская земля в жизни Александра Блока. Биографическая хроника», «Музыка революции» (А. Блок), «Я к вам приду...», «Поэты — поэзия — время», «Земля поэта» (В. Жуковский, Ф. Тютчев, Н. Некрасов, А. Блок, А. Твардовский) и других. Составитель ряда сборников, посвященных русской поэзии. В книгу «Голубые врата» входят этюды и очерки о памятных местах России (Козельск, Оптина пустынь, Нижние Прыскы, Шамордино, Малоярославец) и русских поэтах (А. Ахматова, С. Клычков).

Памяти Виктора Дмитриевича Дувакина

ДВА БЕРЕГА

Козельск и окрестности

*Не с каждым местом поговорить можно,
Чтобы оно свое открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).*

Анна Ахматова.

Приезжал я в Козельск в разное время — и в августе, и в октябре, и в январе, и в марте, и в мае. Собственно, Козельск — это ведь еще и Оптиная пустынь, и Нижние Прыскы, и Шамордино, и Сосенское, то есть еще и окрестности, без которых не понять исторической судьбы и нынешнего облика маленького городка над Жиздрой, быстро текущей в Оку. Это древняя калужская земля...

Я бродил по улочкам, изрезанным зелеными оврагами, мимо домиков, хозяева которых еще держат коров. Видел город со стороны, из-за реки. Побывал на заводах, в деревнях. Взялся и спускался по главной улице Козельска — Большой Советской, когда-то Калужской (жаль прежних названий, надо их восстановить). Слушал козельских краеведов и встречался со старожилами. Есть в Козельске наивысшая точка — над Жиздрой, над кручей, над лугами. Там, за рекой, Оптиная пустынь. Левый берег, на котором стоит город, высокий, а правый — необычно, неожиданно — пологий. Возможно, говорят историки, левый берег — насыпной. Здесь была старинная крепость. Вот остатки Успенского собора... Отсюда, с высоты, виден и нынешний, действующий железнодорожный мост, и брошенные опоры бывшего моста. Просторы, дали...

Козельск впервые упомянут в летописях под 1146 годом, на год раньше Москвы. В 1996 году городу исполнится 850 лет. Сейчас в самом Козельске живет около 22 тысяч человек, да еще в поселке Сосенском

(в нескольких километрах) примерно 14 тысяч человек, да еще в отдельном городке 12 тысяч, а во всем Козельском районе, если все сложить, более 60 тысяч человек. Конечно, цифры эти приблизительны...

Городок невелик, но заботы у него немалые. Район большей частью сельскохозяйственный и обширный. Есть в Козельске промышленность, чья продукция известна и у нас в стране и за рубежом.

Но что такое город? Небольшой городок в Средней России... Экономика? Люди? Культура?..

Мы ведь так обобщенно не воспринимаем жизнь. Она для нас живая — в этих холмах над рекой, в очертаниях улиц, во всем силуэте города, в случайной встрече. Словом, есть какой-то стиль, атмосфера.

Козельск — это прежде всего главная улица, которая спускается с горы, она же и поднимается в гору; та самая, когда-то Калужская, дорога на Орел и на Калугу. Внизу ее пересекает бывшая Крутецкая (ныне Чкалова), она тоже спускается с горы, от старинного вокзальчика, выдавшего еще Льва Толстого, к Жиздре, к дороге на Оптину пустынь, к улице Старая Казачья слобода. Под мостом — речка Другузна, впадающая в Жиздру (есть предание, будто говорили друг другу «жив здрав» и «другу сна», откуда и пошли названия рек). А еще одна речка — Орденка. За оврагом — деревня Дешевки, она уже слилась с Козельском. Здесь своеобразные обычаи, в деревне по-своему поют, пляшут, вяжут, вышивают. Родословная Дешевков, быть может, соединена с украинской землей.

Весной 1988 года исполнилось 750 лет героической обороны Козельска от нашествия Орды (в окрестностях есть Батыев луг). Реставраторы торопились хотя бы частично воплотить в жизнь счастливую идею возрождения прекрасного памятника — церкви Сошествия Святого Духа. В здании церкви, оставшемся пока что в лесах, еще не восстановленном, разместилась диорама, зримо воскрешающая подвиг козельчан.

Героическая оборона Козельска — великий подвиг в истории города. И подвиг не единственный. История Козельска и героична, и трагична. Пожары, войны, глады, моры нередко составляли летопись города. Козельск почти три месяца был погружен в ночь фашистской оккупации... Под Козельском начинала формироваться славная французская эскадрилья «Нормандия — Неман».

На главной площади города (это когда-то была торговая площадь, с десятками лавок) сейчас некоторый переизбыток разного рода памятников. Из них, наверное, самый выразительный — это выбитый на камне бесконечный перечень фамилий козельчан, павших на фронтах Великой Отечественной войны.

Замечаем: установлен на площади камень с надписью, что здесь будет сооружен еще один памятник — в честь 750-летия обороны Козельска. Я не видел проекта. Рассказывают, что памятник представляет собой всадницу на коне, притом огромных размеров, состояющийся по «монументальности» с церковью Сошествия Святого Духа. А почему бы гласно, всем городом не обсудить проект памятника? Ведь этот памятник

ник, если будет установлен, во многом определит лицо центральной части Козельска.

Недавно у деревни Сорокино нашли останки погибших в бою наших воинов, и при них сохранились документы: лейтенант — грузин, три солдата — русские. Минуло почти полвека... Память вызывает к живым.

Когда-то, более двухсот лет назад, когда Козельск стал уездным городом, ему был присвоен герб в память героической обороны: «... в червленом поле, знаменующем кровопролитие, накрест расположенные пять серебряных щитов с черными крестами, изыявляющими храбрость их защищения и несчастную судьбину, и четыре золотые креста, показывающие их верность». История с лихвой оправдала символику городского герба.

Но если бы меня спросили, какими значительными событиями ознаменованы наши дни, дни перестройки, в жизни древнего города, я не колеблясь назвал бы прежде всего одно, главное: возвращение Оптиной пустыни Русской Православной Церкви. И, без претензии на парадоксы, рискнул бы рядом поставить еще одно: первые свободные выборы народных депутатов.

С огорчением приходится отметить, что Козельск являет поразительный контраст между высокостью прошлого (которым может гордиться вся страна, не только Калуга и Козельск) и бедностью мемориального, культурного воплощения исторической памяти. Краеведческий музей ютится в крохотном домике, который к тому же давно в неважном состоянии. Музейная экспозиция в Оптиной пустыни размещена в зданиях, которые, честно говоря, полагалось бы вернуть Церкви. Дом, где останавливался И. С. Тургенев, обветшал, в нем живут люди. Дом, в котором бывал Л. Н. Толстой, забыт.

Что же касается внешнего облика городка, то ему за десятилетия нанесен непоправимый ущерб. Сравним вид Козельска из-за реки и непосредственные наблюдения. Речь идет ведь об одном из удивительных мест России...

...Было часов восемь утра. Я шел из Козельска в Оптину пустынь. Начинался хороший, ясный день этой ранней весны, быстро наступившей после необычно теплой зимы.

У моста я обернулся. И загляделся на Козельск... Расположен он красиво. На расстоянии еще виднее, как живописно поднят городок над рекой и как вольно растянулся вдоль Жиздры, но чуть поодаль. В книге «По калужской земле» Е. В. Николаев, любуясь Козельском, вспоминает слова старинного путешественника: «Городок прелебный, однако издала имеет вид изрядный». Конечно, сегодня в Козельске есть многое такое, о чем и не мечтали наши деды и прадеды. И все же о бедности говорить приходится. Кроме того, мы ведь не только приобретали, но мы и теряли.

Издали, от Жиздры, еще виднее, как хороша Никольская церковь, построенная в 1740 году на одной из высоких точек города. Она и образует сейчас архитектурный центр Козельска. Но в створе с церковью — огромная, внушительная, едва ли не столь же высокая кирпичная труба хлебозавода. Так они и видятся вместе на расстоянии — потемневшие главы церкви и труба из красного кирпича.

Менее заметна в очертаниях города — она в стороне — действующая церковь Благовещения, 1810 года. Других церквей или давно уже нет, или же они приобрели неузнаваемый облик. Исторический силуэт Козельска сильно обеднен, искажен уничтожением нескольких замечательных храмов, которые создавали единый ансамбль.

Представим себе, что в церкви Санта Мария дель Фиоре (Святая Мария в Цветах) во Флоренции расположен склад или котельная, или что-нибудь подобное, что соответственно обезображена и архитектура храма. Нет, это немислимо, это невозможно.

Убежден, что великое духовное наследие, которым обладает Козельск, дает ему право на общенациональное и мировое внимание, почитание, восхищение. Козельск по меньшей мере заслужил, чтобы в Никольской церкви не помещался цех московской швейной фабрики «Большевичка», который, увы, и не собирается отсюда перебираться в какое-нибудь другое здание. Церковные стены и главы закопчены, храм осквернен, и это в самом центре Козельска...

Я иду из Козельска в Оптину пустынь. За мостом сворачиваю на лесную дорогу, иду сосновым бором, вдоль Жиздры. Ищу глазами раковую аллею, по которой из монастыря в город ходил Алеша Карамазов. Пусть это образ, это легенда, но ее уже не отделить от здешних мест.

Через Козельск проезжал А. С. Пушкин. В Козельске и Оптиной пустыни бывали и жили В. А. Жуковский, братья И. В. и П. В. Киреевские, А. К. Толстой, Н. В. Гоголь, С. П. Шевырев, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, М. П. Погодин, А. Н. Апухтин, Л. Н. Толстой, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев (монах Климент), Н. С. Лесков, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. Г. Чертков и другие деятели русской культуры.

Я и думаю, каким они видели тот же Козельск... Тот же, да не тот. На месте хлебозавода и его огромной трубы стояла церковь Вознесения. Сохранились обстроженные со всех сторон хлебозаводом слабые остатки этого древнейшего в городе здания, относящегося к 1620-м годам. Вознесенская и Никольская церкви были рядом и входили в один монастырь. Все это вместе, вблизи друг от друга, смотрелось и звучало по-иному, единой музыкой. Ученые полагают, что облик церкви Вознесения можно восстановить, но пока что над городом возносится вместо храма кирпичная труба. Старая работница хлебозавода, показывая мне, где стояла церковь, утверждала, что здесь был подземный ход до самой Оптиной пустыни. Может быть, это легенда...

Повыше Никольской церкви, близ старой базарной площади, стоит церковь Сошествия Святого Духа, она построена в 1789 году. Церковь разрушена и временем, и войной (в нее попала бомба), и агрессивным невежеством, но сейчас, как я уже говорил, реставрируется. Задумано восстановить и купол, и крест, но пока что обезглавленная церковь в лесах. А как украшала она город, перекликаясь с Никольской церковью и с Вознесенской!

А еще выше поднимал над городом свои главы величественный Успенский собор (1760 год). Над Жиздрой, близ моста древней крепости, над кручей, откуда видна далеко вся окрестность и откуда на многие версты разносился колокольный звон. Теперь признать церковь в этом заброшенном обрубленном помещении, продуваемом всеми ветрами и поливаемом всеми дождями, невозможно. Успенский собор был двухъярусным; после войны в нем находился Дом культуры, потом загубленное здание отдали под склад, хотели сделать спортзал, но раздумали. Теперь поговаривают, что остатки церкви берется спасти реставрационный участок Козельска. Но когда-то все это будет...

А еще стояли в городе Богоявленская церковь (на ее месте магазин), Покровская, она же Пятницкая, церковь (на старом кладбище, перестроена, превращена в жилой дом). Да еще торговые ряды, где было тридцать пять лавок. Кроме того, более десяти лавок торговали в других концах города. Козельск утопал в садах, в зелени, привлекал чистотой, убранностью. Через весь город, как мы знаем, идет главная улица — Калужская, где наши предки поставили и такие дома, которые сегодня охраняются как памятники истории, культуры, архитектуры (собственно, это лучшее, что построено в городе).

И если отвлечься от социальных проблем города, от тех драм, которые таились за его уютным обликом, то можно сказать, что художнически старый Козельск неизмеримо выше нынешнего. Да ведь современный город, пусть не очень большой, изобилует своими противоречиями, подчас столь острыми, что старине до них далеко, хотя мы и не склонны ее идеализировать.

За рекой высилось, сияло, влекло великое творение национального русского гения, духовный центр Руси — Оптиная пустынь. Многие приезжали в Козельск только ради того, чтобы побывать в Оптиной пустыни. Основанный в XV веке монастырь стал одним из средоточий русского православия, духовной мудрости и красоты, воплощенной в неповторимом архитектурном ансамбле, в церковной службе, во всем строе жизни монастыря. С оптинскими старцами беседовали Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, к ним приходили за духовной помощью и нравственным утешением.

Ныне это возрождающаяся церковная обитель, Ставропигальный (находящийся под покровительством патриарха) Свято-Введенский Козельский монастырь Оптиной пустыни. Главный собор монастыря — Введенский, посвященный Введению во храм Богоматери. Однако я, конеч-

но же, не берусь говорить о монастыре с точки зрения церковной. Хочется подумать над темой: Козельск и Оптиная пустынь. Потому что я убежден: главное сокровище Козельска — Оптиная пустынь. И шире — память истории. То, что это духовное богатство, как будто бы ясно. Если же представить весь ансамбль памятников истории и культуры в Козельске и его окрестностях, то — надо признать, что Козельск обладает огромными возможностями живого явления этой одухотворенной красоты людям.

Правда, для этого и сам город должен стать иным, так что надо говорить об экономике, о социальной среде, о многих проблемах местной жизни, о ее цивилизованности. И все-таки сначала поклон Оптиной пустыни. Поклон и раздумье...

* *
*

Я откладываю в сторону записные книжки, газеты, журналы. Хочется, не переполняя наш сюжет подробностями и фактами, сказать, какой мне видится сегодня Оптиная пустынь. Не о ее славной, сложной, драматичной истории, а о ее сегодняшнем состоянии, о ее проблемах — с точки зрения общекультурной.

Мне довелось побывать в Оптиной (уже после ее возвращения Русской Православной Церкви) несколько раз, как и в Козельске, в августе, в октябре, в январе, в марте и в мае. Так что вижу ее перед собой во все времена года и на разных этапах возрождения. Есть потребность чаще приезжать в Оптину... Стараюсь не пропускать публикаций, выступлений, вечеров, посвященных судьбе и значению обители.

Одним из первых в наше время призвал к спасению Оптиной пустыни Дмитрий Жуков. Подвигу Козельска посвятил главу в своей «Памяти» Владимир Чивилихин. Писал об Оптиной пустыни Владимир Солюхин. О возрождении Оптиной пустыни рассказал Александр Нежный. Здесь побывали Владимир Куприн, Владимир Литучин, Валентин Распутин...

Сейчас пишут и говорят о монастыре много и благожелательно (если не считать одной бестактной телепередачи, которая была справедливо оценена в печати). Статьи и очерки посвятили Оптиной пустыни журналы «Наше наследие», «Русская литература», «Огонек», «Смена», калужский еженедельник «Молодой ленинец» (кстати газета смелая, живая, талантливая), «Литературная газета», «Литературная Россия», «Комсомольская правда» да и еще ряд изданий. Мне удалось побывать на некоторых встречах с деятелями Русской Православной Церкви, где речь шла и об Оптиной (одна из встреч проходила в Калуге).

Вообще же литература о монастыре огромна. Помимо работ, прямо относящихся к истории и значению Оптиной, вспомним, например, хотя бы письма Константина Николаевича Леонтьева из Оптиной пустыни

молодому Василию Васильевичу Розанову (и, конечно, ответные письма). Это письма 1891 года, того самого года, когда скончался старец Амвросий, ныне канонизированный. В том же году умер и К. Н. Леонтьев (в Сергиевом Посаде, где похоронены и К. Н. Леонтьев, и В. В. Розанов). А ведь это один из штрихов насыщенной событиями и смыслом истории Оптиной пустыни. В 1991 году Русская Православная Церковь, монастырь и весь культурный мир торжественно отметят 100-летие памяти святого Амвросия.

«Вот те на!» — скажет читатель. И не без оснований. О святых заговорили... Но каждый из святых был при жизни незаурядной личностью (Франциск Ассизский на Западе, Серафим Саровский у нас, для примера). Старец Амвросий привлек Достоевского; с ним говорил Лев Толстой; он был учителем для Константина Леонтьева; старец вошел в сознание людей, и знаменитых, и самых простых, как источник духовной энергии, духовного знания и понимания. И вся Оптина была таким источником, омывающим, очищающим и возвышающим.

Но, повторяю, об этом написано весьма много. Очертить единый образ Оптиной пустыни? Река, сосны, ракиты, храмы... Единым росчерком крыла в полете — от неба и до неба... Так взмывают стрижи... Внезапно, слитно, мгновенно... И все-таки я хочу вернуться на землю и иметь в виду реальные обстоятельства, которые повседневно окружают действующий и возрождающийся монастырь сегодня. Ставропигальный Свято-Введенский Козельский монастырь Оптиной пустыни...

Мне хотелось бы посмотреть на Оптину со стороны Козельска, из-за Жиздры, и увидеть Козельск со стороны Оптиной, понять, как сегодня живут эти «два берега у одной реки», неразлучные и разделенные. Не только физически, географически, но и духовно, социально — два берега. Как они общаются? Что изменилось в их жизни?

Оптина — это и обитель, и строительная площадка. Каждый месяц можно отметить перемены. В главном храме — Введенском соборе — в какой-то момент на одной половине, алтарной, совершались службы, люди молились, другая — стояла в лесах и дышала свежей штукатуркой. И так на всей земле Оптиной пустыни: и монастырь, и стройка, и храм, и мастерская (вспоминая известное сопоставление), и, конечно, природа. Это единая жизнь, единое воскресение. А первая служба, первая молитва была в башне Святых врат. И радостно видеть, как одолевается «поруганье заветных святынь», восстанавливается связь с тысячелетними корнями русской культуры.

Такое чувство охватило меня, когда я увидел Оптину в августе 1988 года. Я был там вместе с реставраторами, музейщиками, работниками культуры из Калуги и Козельска. Казалось бы, нас объединяло одно настроение. Мы пошли в Скит («четыре шагов», прямо по Достоевскому, сказали мне мои спутники). И вот подходим мы к Святым вратам, и мне объясняют: слева — келья Макария, справа — келья Амвросия; Свя-

тые врата и кельи возвращены монастырю, остальное остается за музеем, за управлением культуры.

Надо отметить значение, какое монастырь, вообще Русская Православная Церковь придает этому скиту. «Скит — сердце Оптиной», — такие слова произнес настоятель монастыря архимандрит Евлогий на встрече с калужанами (в мае нынешнего года). Скит носит название — Иоанно-Предтеченский, по имени первого христианского пустынножителя; Иоанну Предтече посвящена дивная церковь 1822 года, стоящая в центре скита и являющаяся духовным средоточием этого чудесного уголка калужской земли.

Когда-то вся эта зеленая поляна вокруг церкви в летнюю и осеннюю пору похожа была на райский сад, столько разнообразных ярких и нежных здесь росло цветов...

И вот оказывается, хотя Оптина пустынь возвращена Русской Православной Церкви, скит, являющийся сердцем монастыря, как-то странно и искусственно разорван. С недоумением осматривал я в августе 1988 года музейный интерьер церкви Иоанна Предтечи (кстати, полностью и неплохо отреставрированной калужанами). Здесь тогда была выставка, посвященная Л. Н. Толстому, большие портреты писателя в бывшем алтаре. На церкви почему-то мемориальная доска, сообщающая, когда в этих местах бывал Лев Николаевич.

Я заметил, что мои спутники из Калуги и Козельска несколько расстроены. Выяснилось, что они опасаются, как бы весь скит — вместе с церковью Иоанна Предтечи — не передали в итоге монастырю, о чем, видимо, просят церковные деятели. А ведь в старинных домиках на территории скита — экспозиции, посвященные Н. В. Гоголю, Ф. М. Достоевскому, братьям И. В. и П. В. Киреевским, другим русским писателям. Кроме того, есть намерение разместить часть козельского краеведческого музея в церкви Льва Катанского и Амвросия Медиоланского (после ее реставрации). И это тоже скит...

Не могу скрыть, что подобные планы не вызвали у меня никакого сочувствия. Более того, я искренне желаю, чтобы скит — целиком! — был возвращен монастырю. Я верю, что так оно и произойдет. И дело тут не только в церковной стороне проблемы. Оптина пустынь есть единое целое.

Пока в Оптиной пустыни царила поистине «мерзость запустения», музеев в монастыре, в том числе в скиту, выступал носителем культуры, защитником старины, хранителем церковных зданий и самого места — Оптиной пустыни. Но сейчас, когда явился подлинный хозяин, лишая Оптину пустынь ее сердца — значит выступать против культуры (не только против церкви, что, впрочем, неразделимо). Между тем оппозиция монастырю идет под флагом «культуры», «музея», «охраны памятников» и т. п. (В печати было даже сообщение, что монастырь платит за аренду своих же помещений... управлению культуры!)

Такой парадокс... Нет сомнений, что лучше пусть будет в церкви музей, чем склад или разорение, но если храм снова может стать храмом? Вот к этой логике мы сегодня не готовы. В каждый из своих приездов в Козельск я интересуюсь у «отцов города», собираются ли они отдавать скит монастырю. Не так давно я спросил об этом первого секретаря Козельского райкома партии Игоря Андреевича Бородулина. И получил ответ: когда решения принимаются на столь высоком уровне, на каком решено было передать Оптиную пустынь Русской Православной Церкви, они не пересматриваются. И я подумал, что если бы судьба Оптиной пустыни зависела от калужских и козельских властей, то и доныне там, наверное, пребывало бы СПТУ...

«У нас все нормально. Все проблемы решаются оперативно, в духе взаимопонимания», — отвечают в Козельском райкоме партии и в райисполкоме на вопросы об отношениях с Оптиной пустынью. Речь идет о текущих хозяйственных делах. Но не хватало еще, чтобы в наше время, да и тем более когда главная проблема решена сверху, возникали бы какие-то дополнительные сложности! «Воинствующие безбожники», кажется, перевелись...

Отчего же тогда не пойти навстречу здравому смыслу и не обратиться к «компетентным органам» с просьбой вернуть скит монастырю? Думаю, тут сказывается продолжающаяся отчужденность Козельска (да и Калуги, честно говоря) от Оптиной пустыни. Эта отчужденность (при внешней деловой благожелательности) проявляется во многом и определяет тональность, атмосферу взаимоотношений «двух берегов» Жидры.

Вспоминаю октябрь 1988 года. Козельск отмечал 750-летие героической обороны города от ордынского нашествия (дата исполнилась весной). Еще в середине августа, будучи в Калуге и Козельске, я узнал день предстоящего торжества: 23 октября, воскресенье. Имелась полная возможность, было время согласовать это число с Оптиной пустынью, с монастырем. И была необходимость... Ведь 23 октября — светлый день памяти святого Амвросия. И вышло так, что большой праздник, День города Козельска, «случайно» совпал с большим церковным ритуалом — обретением мощей святого Амвросия...

Так и шли они, два торжества, на двух берегах, никак не соприкасаясь. Верно ли это?.. На трибуне городского официального митинга, на площади у реставрируемой церкви Сошествия Святого Духа, не было ни одного священнослужителя, а ведь мог бы и выступить перед собравшимися деятель церкви. Разве Козельск вместе с воинами и горожанами не обороняли и церковные пастыри? Разве в каждой из битв с врагами не участвовала так или иначе Русская Православная Церковь? Когда ордынское войско пошло на окончательный штурм Козельска, многие жители затворились в Успенском соборе и там погибли — в огне, с пением молитвы...

Обо всем этом мы словно бы забыли сегодня. Забыли и на городском празднике Козельска, хотя посвящен он был героической дате. По городу шли сотни людей, увлеченных разнообразной программой воскресного дня. Никто не сообщил им, что в эти же часы идет свое торжество в Оптиной пустыни, никто не предложил транспорт. Разумеется, в монастырь пришло и приехало все же немало паломников — из Козельска, из Москвы, из соседних деревень. От города примерно полтора-два километра до Жиздры и затем еще столько или чуть больше от реки до Оптиной...

Между прочим, в Оптину нет ни одного регулярного автобусного рейса из Козельска. Вряд ли это правильно в наше время. Автобус довозит только до поворота на Оптину, останавливается и едет дальше. Остается немного, каких-нибудь два километра (да и можно возразить, что к святыне принято идти пешком). Но в Оптиной живет немало людей; есть дети, старики, женщины; там, кроме местных жителей и насельников монастыря, есть строители, паломники. Вечером, особенно зимним, темным, да еще не зная местности, не каждый решится отправиться из Оптиной в город. Я ощутил это, когда был в Оптиной в январе на Рождество и возвращался снежной тропой в Козельск. Думается, что знаком уважения к монастырю было бы введение хотя бы двух-трех ежедневных автобусных рейсов из Козельска в Оптину и обратно. Необходим прямой рейс «Москва — Оптина пустынь».

Если в Калуге, в одном из домов культуры, в мае 1989 года наконец-то состоялась встреча с настоятелем монастыря архимандритом Евлогием, который рассказал об истории и нынешней жизни Оптиной пустыни, ответил на вопросы собравшихся (полный зал), то в Козельске к тому времени не было ни одной такой встречи, и до сего времени, насколько я знаю, она не произошла ни в Доме культуры районном, ни в других домах культуры и клубах. Нигде не нашлось места и времени для встречи, можно сказать, с соседями. Нигде не было всерьез отмечено в Козельске и 1000-летие крещения Руси. Эта великая дата больше отмечалась в Москве, в других крупных городах. Я имею в виду не богослужения, не церковные торжества, а именно светские встречи, вечера, концерты с участием деятелей Церкви. В Козельске большей частью недоуменно относились к моим расспросам на церковную тему. Дескать, что можно столице... И это по соседству с Оптиной пустыню!

Почти ничего не пишет об Оптиной пустыни, об ее истории и ее нынешней жизни районная газета «Вперед». А ведь там есть проблемы не только сугубо церковные. До сих пор реально не закреплена за монастырем та территория, что принадлежала Оптиной пустыни. Значит, не поставлено по-настоящему дело охраны окружающего ландшафта, и отсюда подчас разноречивые слухи о каких-то порубках деревьев, совершенных без разрешения монастыря. Оптина пустынь — наша драгоценность. Монастырь и его окрестности, вместе с берегами Жиздры, с прилегающими лесами, рощами и полями — все это должно — пока не позд-

но! — стать заповедником. Церковь и государство, Церковь и общественные организации вправе и обязаны сотрудничать в этом благородном безотлагательном деле. Районная газета могла бы опубликовать беседу с настоятелем монастыря...

В марте 1989 года мне посчастливилось... То была какая-то преждевременная весна, снег вдруг сошел почти повсюду, чернели поля, пригревало солнышко... И неожиданно, приехав в Козельск, я прочитал в районной газете такое объявление: «Приглашаем всех желающих бескорыстно помочь на работе по восстановлению духовного центра Руси — Оптиной пустыни. Вас будут ждать по субботам с 25 марта в 10 часов у Введенского собора монастыря. После работы и обеда — экскурсия по монастырю».

В том же номере газеты (от 18 марта) помещено, быть может, и не вполне совершенное, но, по-моему, трогательное стихотворение Н. Федосевой «Оптина пустынь».

Я переписывал эти стихи и объявление о субботнике, сидя в редакции. И, естественно, спросил сотрудников, пойдут ли они на субботник в монастырь... «Нет», — услышал я довольно вялый ответ. А самая юная в редакции (видимо, технический секретарь) сказала: «Уж лучше бы больницу построили».

Нас собралось немного: несколько девятиклассниц во главе с учительницей, целиком одно семейство из четырех человек во главе с бабушкой, молодой пчеловод (своего рода философ) и я — всего человек семнадцать, кажется. Наша группа складывала дрова, школьницам дали работу полегче, потом мы вместе пообедали с молитвой в монастырской трапезной, после чего иеросхимонах Иннокентий (очень молодой и милый человек) провел для нас весьма содержательную экскурсию по монастырю. Все мы уходили из Оптиной пустыни с чувством светлым.

Я спросил потом Дину Даниловну Селифонову (секретаря райкома партии) и Михаила Михайловича Якимова (секретаря райкома комсомола), отчего же Козельск так лениво откликнулся на приглашение Оптиной пустыни. Ответы прозвучали в том смысле, что, дескать, у нас свои мероприятия, у них — свои. Если подходить по-старому, так оно, конечно, и обстоит. Но не пора ли взглянуть по-новому на отношения с Церковью? Субботник в Оптиной пустыни, несомненно, должен стать общим «мероприятием» города и монастыря. Общей радостью...

В конце мая — начале июня 1989 года я снова побывал в Козельске и в Оптиной. Наша группа паломников несколько часов поработала на территории монастыря. Интереснейшую экскурсию провел для нас иеросхимонах Феофилакт (тоже очень молодой, очень живой, непосредственный и знающий собеседник). Он показал нам уже убранную келью святого Амвросия и рассказал о вдохновенном старце.

И напрасно, как я заметил, музейные работники (и козельские, и калужские) несколько настороженно относятся к экскурсиям, которые изредка проводят монахи. Здесь опять-таки возможно и необходимо сотрудничество, взаимное дополнение друг друга в едином раскрытии судьбы и смысла Оптиной пустыни.

Кстати, история монастыря, в том числе в наше время, в двадцатые и тридцатые годы, недостаточно изучена. Так, предстоит уточнить и конкретизировать факт пребывания в стенах бывшего монастыря перед войной интернированных польских офицеров (об этом нам говорила экскурсовод козельского музея). Важная тема — забота поэтессы Надежды Павлович о сбережении Оптиной пустыни. Необходимо выяснить дотошно судьбу библиотеки монастыря, возможность возвращения изъятых книг в Оптину пустынь (часть из них — в Ленинской библиотеке в Москве). Нужен музей истории Оптиной пустыни... Словом, работы воистину непочатый край.

Я вижу в будущем в Козельске и в Калуге кружок или общество «Друзья Оптиной пустыни». Два берега Жиздры обязаны стать неразлучными берегами единой реки отечественной культуры.

Надгробные плиты, под которыми покоятся братья Иван Васильевич и Петр Васильевич Киреевские, рядом с Введенским собором и рядом с крестами, осеменяющими могилы оптинских старцев. По этой земле прошли великие русские писатели, мыслители, чьи имена символизируют духовное служение, духовный подвиг.

В сентябре 1989 года в Оптиной пустыни, в скиту, открылась новая музейная экспозиция. В церкви Иоанна Предтечи — выставка живописи, посвященная храмам, и это, конечно, более уместно, более тактично, чем то, что было здесь прежде. Но и это не решение проблемы. Церковь Иоанна Предтечи должна быть возвращена монастырю.

В домиках, расположенных на территории скита, открылись экспозиции, рассказывающие об истории монастыря, о писателях, бывавших в Оптиной пустыни. Эти экспозиции вполне могли бы располагаться в Козельске. Весь скит, на наш взгляд, должен быть возвращен Ставропигальному Свято-Введенскому Козельскому монастырю Оптиной пустыни. В этом смысле высказались и «Литературная газета», «Комсомольская правда».

* *
*

Вокруг Козельска видится в недалеком будущем Государственный историко-культурный и природный заповедник. Иначе нам не сберечь эти места и сопряженную с ними историческую память. И вот если намечать границы этого заповедника, то наряду с Козельском и Оптиной пустыней опорами в нем, культурными «гнездами» должны стать Ниж-

ние Прыскі и Шамордино. Все вместе они составляют единое целое, неразделимы.

Нижние Прыскі (не сразу к ударению привыкнешь) — по дороге от Калуги в Козельск, уже совсем рядом с городом. И напротив Оптиной пустыни, только на другом берегу Жиздры. Весь монастырь виден отсюда, от церкви Преображения Господня, построенной в 1787 году. Церковь действующая, что и заметно сразу по всему ее опрятному ухоженному облику. Отец Леонтий показывает нам иконы из мастерской Оптиной пустыни, икону Богоматери «Утоли моя печали», икону «Святой князь Александр Невский», семейную икону Кашкиных — на ней изображены святые, чьи имена носили Кашкины, здешние помещики. В ограде церкви — могилы Ртищевых и Кашкиных, издавна живших в Прысках. Древние эти фамилии, связанные родством, вошли в историю России.

Постоим у надгробий...

Сергей Николаевич Кашкин (1799—1868) — декабрист, член Союза Благоденствия, член Московской управы Северного общества, двоюродный брат одного из виднейших декабристов, участника восстания на Сенатской площади — Е. П. Оболенского, пробывшего в сибирской каторге и ссылке тридцать лет (последние свои годы жил в Калуге, где и умер). Сергей Николаевич Кашкин был заключен в Петропавловскую крепость и выслан в Архангельск, но в 1827 году, по ходатайству сестры, получил разрешение жить в своем родовом имении Нижние Прыски, где и умер.

Николай Сергеевич Кашкин (1829—1914) — сын декабриста, петрашевец, впоследствии один из видных деятелей крестьянской реформы 1861 года. Двадцатилетним юношей в кружке Петрашевского он познакомился с Федором Михайловичем Достоевским. Будучи арестованными, петрашевцы восемь месяцев отсидели в Петропавловской крепости, а затем в декабре 1849 года выслушали смертный приговор на Семеновском плацу в Петербурге, были выстроены для расстрела и... узнали о царском «прощении» — замене смертной казни каторгой и ссылками. Н. С. Кашкин отправлен рядовым на Кавказ; отбыв наказание, он жил в родном селе. А летом 1878 года в Нижних Прысках, в Козельске и Оптиной пустыни гостит Достоевский, друзья встречаются. Особая страница истории, особая тема — Достоевский и Оптина пустынь...

Преображенская церковь в Нижних Прысках пережила не одну эпоху. После войны, рассказывает отец Леонтий, в куполе было обнаружено много пуль. Когда возрождали храм, все иконы пришли от народа, люди принесли (лет десять назад воры пытались ограбить церковь, бывает и такое). Добираются верующие сюда и пешком, и на автобусах. Еще недавно, кажется, посещала церковь Евдокия Ивановна Огибалова, прожившая 105 лет. Говорят, она служила горничной у Марии Николаевны Толстой, сестры писателя, которая жила в Шамординском Казанском женском монастыре, в 12 верстах от Козельска.

Дом, в котором жила Мария Николаевна и в который ходил Лев Николаевич Толстой, — где же он теперь?.. Есть основания утверждать, что дом этот стоит ныне в Козельске. А усадьба Кашкиных, как пишет Е. В. Николаев, «дожила почти до наших дней». К сожалению, теперь ее уже нет...

На углу двух центральных улиц — Большой Советской и Чкалова, или, говоря по-старому, Калужской и Крутецкой, на перепутье двух дорог — из Калуги и в Оптину пустынь, на здании аптеки мы видим запачканную краской памятную доску, надпись на которой гласит:

Великий русский писатель
Лев Николаевич
Толстой
посещал козельские места
в 1841, 1877, 1881, 1890, 1896
и 1910 годах
написал здесь ряд
произведений

Шесть раз побывал Лев Николаевич Толстой в Козельске и его окрестностях. Тульская земля здесь, по соседству, дорога на Белев проходит прямо через Козельск. Идя из Белева в Козельск, не минуешь Оптиной пустыни, а там, за Жиздрой, и Козельск. Дорога на Белев из Козельска ведет через реку. Летом 1877 года Лев Николаевич ездил из Ясной Поляны в Тулу, Калугу и Козельск вместе с критиком и публицистом Николаем Николаевичем Страховым, побывал и в Оптине, любовался берегами Жиздры, гостил в имении князя Д. А. Оболенского. Летом 1881 года Толстой вместе с крестьянином С. П. Арбузовым и учителем Д. Ф. Виноградовым пешком дошел от Ясной Поляны до Оптины, прожил тут несколько дней, виделся со старцем Амвросием, с монахами и крестьянами, вступал в споры, расспрашивал.

Толстой беседовал со старцем Амвросием и во время своего приезда в Оптину в 1890 году старец поразил Толстого. Тогда же он виделся и говорил в Оптине с писателем Константином Николаевичем Леонтьевым (монахом Климентом), который жил в монастыре, считая себя учеником Амвросия. Согласие по вопросам веры между ним и Толстым, который не принимал официальной церкви, оказалось, естественно, невозможным. И все-таки Льва Николаевича постоянно притягивала Оптина пустынь; ее красота, тишина, одухотворенность были, наверное, необходимы Толстому. Радостны и поучительны всегда для Толстого были встречи с крестьянами. Еще сравнительно недавно в окрестностях Козельска, в селе Нижние Прыски, жили люди, помнящие Льва Николаевича.

В августе 1896 года Л. Н. Толстой вместе со своей женой Софьей Андреевной побывал в Козельске и в Шамордине, под Козельском, где в женском монастыре жила сестра Льва Николаевича — Мария Николаевна. Из Шамордина они вместе отправились в Оптину пустынь. Толстой приходил оттуда в Козельск, вникал в жизнь уездного городка. С этими местами так или иначе связаны страницы «Анны Карениной», «Отца Сергия», «Воскресения», «Хаджи Мурата» и других сочинений Льва Толстого.

Козельск, Оптиная пустынь, Шамордино хранят память о последнем путешествии Льва Николаевича в октябре 1910 года. До сих пор стоит в Козельске старенький, но очень милый железнодорожный вокзал, куда Толстой приехал вместе со своим врачом и другом Душаном Петровичем Маковицким, вокзал, откуда он затем на поезде отправился дальше, скрываясь от родных, но доехал только до станции Астапово... Вскоре весь мир облетело это название. И мало кто знал тогда, что накануне, приехав в Козельск, Толстой снова побывал в Оптиной пустыни и Шамордине.

Итак, Козельск и его окрестности участвовали в одной из величайших духовных драм русской и мировой культуры. Что же хранит здесь сегодня память о Льве Николаевиче Толстом? Увы, немного, если не считать мемориальных надписей да нескольких фотографий в краеведческом музее. Между тем сохранился дом, отчасти перестроенный, в котором жила в Шамордине Мария Николаевна Толстая. Дом, в который входил Лев Николаевич.

Дом этот был в свое время куплен и перевезен в Козельск. Он стоит на углу улицы Мира, рядом с железной дорогой. Однако на нем нет мемориальной доски, и дом не взят под охрану как памятник. Ни Козельский музей, ни местное экскурсбюро, ни районное отделение Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры пока что, можно сказать, «не признали» этот дом. Нет, дескать, документов, подтверждающих, что это дом, в котором жила Мария Николаевна Толстая. Но бывают случаи, когда достаточно устных свидетельств, донесенных до нас старожилками.

Михаил Михайлович Якимов (с которым мы уже знакомы) доверяет этим свидетельствам и включает дом в свою экскурсию по городу, которую (правда, в сжатом виде) мне удалось послушать два раза. Он ссылается на сообщение Марии Николаевны Кашириной, одной из старейших козельских учительниц, тоже историка.

Я иду к Кашириным — это две гостеприимные сестры, Мария Николаевна и Нина Николаевна, ныне пенсионерки. «Наши родители были знакомы с Алексашинными. Дом, в котором жила М. Н. Толстая, сразу после революции купил в Шамордине и перевез в Козельск землемер Алексашин, у него была жена Мария Михайловна и трое сыновей, все они уехали в Калугу», — рассказала М. Н. Каширина, добавив, что в доме М. Н. Толстой окна прежде были полукруглые, парадный вход

с железной дороги, во дворе терраса, внутри анфилада; есть снимок, где М. Н. Толстая на террасе этого дома, снимок публиковался.

Убежден, что к сообщению М. Н. Кашириной о доме М. Н. Толстой можно относиться как к документу. Такое не выдумаешь. И свидетельство исходит от знатока истории родного края.

Я думаю, у нас не так много домов, связанных с памятью Льва Николаевича Толстого; тем более Козельск, вошедший в жизнь и судьбу великого писателя, не вправе делать вид, будто этого дома не существует. Вернется ли дом в Шамордино или останется в Козельске, он должен хранить память. Дом Марии Николаевны Толстой, на мой взгляд, не может не стать музеем. И я невольно возвращаюсь к нему, всматриваясь: дом большой, вместительный, старинный...

...Паразитильное, величественное место — Шамордино. Трудно предположить, что в долине скромной речки Серёны, впадающей в Жиздру, природа образовала такой грандиозный ландшафт. Высоченные, захватывающие крутизны скалы, безмерные просторы в сочетании с нежной картиной средневекового пейзажа, дерзкие масштабы вместе с мягкой задумчивостью соединил, кажется, гениальный художник...

И вот на вершине этого естественного, застывшего в порыве, взметнувшегося ввысь движения самой земли, на верхней кромке мощной зеленой волны вы уже издали видите монументальный ансамбль зданий темно-красного, тускло-багрового оттенка, с возникающим в центре и возрастающим по мере приближения огромным, торжественным, могучим собором...

Шамордино (как говорили раньше) в двадцати верстах от Козельска. Оно совершенно неотделимо от городка и от Оптиной пустыни, как и Нижние Прыски, что по соседству. Если ехать от Козельска на Калугу, то за Нижними Прысками и деревней Полошково, от деревни Каменки будет поворот налево на Шамордино (дорога сразу заметна хуже, «бетонка», без асфальта, хотя и шоссе от Калуги на Козельск явно уступает другому шоссе — от Калуги на Москву). Впрочем, в нынешнем измерении всего-то километра полтора-два от поворота.

Шамординская Казанская Горская община основана старцем Амвросием. Это было его любимое детище, здесь он иногда жил в своей келье, где и скончался в 1891 году. Рассказывают, что от Шамордина до Оптиной гроб несли на руках, что шел дождь, но свечи в руках горели. И над этими местами доныне витает память о провидце и учителе...

Более двадцати лет прожила в Шамординском монастыре Мария Николаевна Толстая — сестра Льва Николаевича. В драматической судьбе Марии Николаевны особое место занимает встреча с Иваном Сергеевичем Тургеневым, что произошла задолго до ее переезда в Шамордино. Дважды, в 1896 и в 1910 годах, в Шамордино к сестре приезжал Лев Николаевич Толстой. В той своей последней дороге в октябре 1910 года Толстой собирался поселиться в ближней деревне, в этих местах. Оптина пустынь, Шамордино, Козельск словно бы попрощались с великим

писателем земли русской. Мария Николаевна умерла в Шамордине в 1912 году и похоронена на монастырском кладбище.

Великое место... И вот мы в Шамордине... Обезглавленный, брошенный, разрушающийся, но все еще величественный Казанский собор... Тяжелое зрелище... Горечь только усугубляется мемориальной доской, сообщающей, что в Шамордине бывал Лев Николаевич Толстой и что «он работал здесь над повестью «Хаджи Мурат».

Здесь?.. Среди этого разоренного величия? Мы видим великолепное — в прошлом! — здание трапезной, такое, словно оно наспех брошено какими-то вандалами...

Казанский собор возводил архитектор Владимир Осипович Шервуд. Мы узнаем руку, создавшую в Москве Исторический музей, памятник героям Плевны. Козельские краеведы полагают, что Казанский собор в Шамордине и Исторический музей в Москве строились из кирпича, производившегося близ Шамордина. Деньги на монастырь, и немалые, дал чайный купец Сергей Васильевич Перлов. В Шамордине среди других монастырских строений сохранился «Перлов дом».

Рядом с собором и трапезной, в низеньком, осевшем домике живут Гончаровы — Екатерина Ермолаевна и Михаил Илларионович, оба пенсионеры. Екатерина Ермолаевна долгие годы была учительницей в местной школе, теперь школа пустует, закрыта. Она вспоминает, что когда-то одним из учителей Шамординской средней школы был Булат Шалвович Окуджава, ныне известный поэт и прозаик. У Екатерины Ермолаевны есть альбом, где собраны старинные открытки, фотографии, воспроизводящие прежний вид монастыря. Это была целая система заведений: богадельня, детский приют, больница и корпус для сестер, игуменский корпус, усыпальница, кельи... Мы видим, и предание подтверждает, что когда-то все находилось в добротном состоянии.

Мне довелось дважды побывать в Шамордине. Вместе с товарищами, коллегами обошел село. Изумительные виды открываются со всех сторон. Старожилы говорят, что леса подступали ближе и плотной стеной окружали монастырь. Ряд строений его сохранился, но до чего же они изменились за десятилетия. В целом это картина опустошения, упадка, оскудения памятного места (свой вклад внесло тут и училище механизации). Затеряна, стерта могила Марии Николаевны Толстой... (Об этом писали «Известия».)

Не первый год в Калуге и Козельске говорят, что Шамордино надо спасать. Но как?.. Шамордино — органическое продолжение Оптиной пустыни, и мне известно, что, несмотря на огромность работ по восстановлению Оптинского ансамбля, в монастыре мечтают о возрождении Шамординской обители силами Русской Православной Церкви. В 1991 году будет широко отмечаться 100-летие со дня кончины святого Амвросия. Конечно, торжества пройдут прежде всего в Оптиной, но паломники придут и в Шамордино. Что будет ждать их здесь, что увидят они?..

Калужский облизполком, на мой взгляд, не лучшим образом распорядился судьбой памятного места. Шамордино передано Министерству общего машиностроения (ныне его название изменилось) в лице НПО им. С. А. Лавочкина для устройства базы отдыха. Предполагалось, что жилье будет вынесено за пределы Шамордина, а Шамордино восстановят как культурный центр. Однако в селе уже построен дом для отдыхающих. А печальный опыт приспособления памятников для отдыха (например, дворца Гончаровых в Яропольце) показывает, что культура, истории, памяти — места в этом случае не остаются. Самым лишним окажется храм... Да и весь обиход турбазы или дома отдыха плохо совместим с самим духом и стилем монастырского ансамбля.

Шамордино продолжает ждать достойного решения своей судьбы. И пусть простят меня механический и стекольный заводы, что я начал свой рассказ не с трудных экономико-социальных проблем, а с того, что в Козельске и его окрестностях является нашей общенациональной гордостью. Мне показалось, что Козельск, если можно так выразиться, сам себя не ценит, забыл о своей красоте, о своей традиционной одухотворенности... И мы все не так ценим Козельск, как он того достоин.

Быть может, истоки подобного нравственного состояния в судьбе и положении наших малых городов, в нашем небрежении к этим изумительным творениям многих поколений и самой природы...

А приезжий? Обычный приезжий... Как он оценивает и видит город? Дело к вечеру... Вот он зашел в ресторан: люди сидят в пальто, пьяные, накурено; «музыка» орет изо всех сил, полчаса надо ждать официанта, еще час — еды... Пошел в кафе напротив — там грязно, невкусно... И сложилось впечатление о городе.

Несправедливо? Наверное... Но вот он идет в гостиницу; предположим лучшее — с трудом поселяется в трехместном или четырехместном номере, а то и на раскладушке в коридоре... Горячей воды нет, туалет на другом этаже или во дворе... Рядом гремит железнодорожный переезд... Ведь все это тоже город.

А как же история, то, чем мы гордимся, подвиг народа? Не слишком ли приземленно судить по «быту» о столь древнем городе?.. Но, увы, человек подчас раньше всего встречается с будничной стороной жизни.

Выходит приезжий человек вечером на улицу... Темнеет... Куда пойти? В церковь нас отучили ходить... В кино как-то не очень хочется идти, редки хорошие фильмы... Было в городе два кооперативных видеозала, теперь, по новому постановлению, их закрыли. Да и в них крутили западные боевики, подчас дурного пошиба... В Доме культуры темно... На другом конце города — еще один Дом культуры, идти порядочно, и что там — скорее всего танцы... Поздний час... Библиотека погасила огни... Театра (или театральной самодеятельности) в городе нет.

Значит, телевизор... В Козельске ощутимее, насколько далеко наше телевидение от уездного (говоря по-старинному) городка России, какой

между ними контраст... «В столицах шум, гремят витии...» Все эти дебаты, рок-ансамбли, проблемы... «А мы живем, как при Екатерине...» Ну, конечно, не в буквальном смысле. И все-таки — «другая жизнь».

Городок почти весь деревянный, топят дровами, газа нет. Изобилие в магазины еще не пришло, хотя, по мнению козельчан, снабжение у них стало лучше: молочные продукты есть постоянно, куры тоже, бывает мясо, колбаса; об инвалидах и больных — забота особая. Но как-то неудобно обо всем этом говорить. Не в том дело, что бедность... Я не знаю, как это выразить... Но очень остро чувствую, когда смотрю в Козельске телевизор. Мне показалось, что не доходит до телеэкрана, до всех нас, жителей столиц и больших центров, какая-то затаенная дума этого городка, более того — всей безмерной России.

Иной раз мне казалось, что по вечерам жители городка погружались в некий «телесон», ибо мало что соединяло реальную козельскую (читай: елецкую, бежецкую, другую) жизнь и так называемый «голубой экран». И все-таки признаем: именно Москва посылает в «глубинку» импульсы перестройки.

Раннее утро в Козельске, воскресенье, 26 марта 1989 года... День выборов народных депутатов уже начался, и я спешил домой в Москву. По дороге на станцию расспрашивал козельчан, за кого они будут голосовать. Так, по Сухиничскому территориальному округу № 187 предстояло сделать выбор между Александром Сергеевичем Полуэктовым, заводским инженером, и Геннадием Ивановичем Улановым, первым секретарем Калужского обкома КПСС. Я не почувствовал, что вокруг этой альтернативы кипели какие-то страсти... А через день позвонил в Калугу и в Козельск и узнал, что на выборах победил А. С. Полуэктов. Как говорят в таких случаях, «не надо драматизировать», выбрали тоже «нашего человека». Да я и не берусь как-то подытоживать, суммировать итоги этих выборов. Все же отмечу некоторые детали, связанные именно с Козельском.

Так, накануне выборов районная козельская газета «Вперед», рассказывая о встрече избирателей с Г. И. Улановым, выражала сожаление, что «многих собравшихся... почему-то заинтересовали в большей степени вопросы... частного порядка». И далее газета сокрушенно комментирует: «Что надо было отвечать первому секретарю обкома партии на такие вопросы: «Как вы откликаетесь на просьбы и жалобы?», «Существует ли генплан развития Козельска?», «Как попасть к вам на прием?», «Почему в школе не ведется преподавание английского языка?» и тому подобные» (№ 37 от 25 марта 1989 г., с. 2).

Избиратели задали первому секретарю обкома, как видим, далеко не частные вопросы. И умение откликаться на просьбы и жалобы трудящихся, и будущее родного города, где проходит встреча с избирателями, и даже знание английского языка нашими детьми — это не мелочи. Особенно странно, что козельская газета свысока трактует как несущественный, слишком будто бы мелкий для первого секретаря обкома вопрос

о генеральном плане развития Козельска. Сознаюсь, на этой встрече не был, и я не знаю, ответил ли Г. И. Уланов и как ответил на эти вопросы. А ответа требует сама жизнь.

Многое должно было бы измениться в связи с решением правительства вернуть Оптину пустынь Русской Православной Церкви. По правительственному постановлению, в Козельске должен быть создан специальный ремонтно-строительный трест, оснащенный мощной техникой и опирающийся на солидные ассигнования. Между тем такого треста до сих пор нет, действует лишь (как сказали мне в райисполкоме) строительный участок, весьма маломощный, если судить по отсутствию заметных результатов. Сделать же предстоит много, иначе Козельск не справится, уже не справляется с новой ситуацией.

Сельское производственно-техническое училище выселено из Оптиной пустыни (рядом с монастырем еще стоит техника училища), для него должно быть построено новое здание, но пока что СПТУ размещается в нескольких временных помещениях и это осложняет его работу, да и, пожалуй, омрачает радость перемен в Оптиной пустыни, вольно или невольно бросает тень на принятые высокие решения о возрождении монастыря. До постройки нового здания для училища еще далеко, как далеко и до развертывания в городе жилищного строительства, необходимого, в частности, чтобы расселить тех, кто сейчас занимает территорию монастыря.

Несколько раз я беседовал с первым секретарем Козельского райкома партии Игорем Андреевичем Бородулиным, с председателем исполкома Козельского райсовета Алексеем Александровичем Новиковым, с другими руководителями города и района — людьми опытными и еще молодыми, энергичными, полными желания сделать жизнь козельчан благоустроенней, светлее и счастливей. Проблем много, и узел их завязан, похоже, одним словом — бедность. Да, город беден: беден материально, а к тому же бесправен в одолении бедности...

Конечно, есть в городе и районе крупные предприятия — механический завод, стекольный завод, молочный завод, Сосенское объединение... Есть, с другой стороны, целый ряд филиалов, в сущности, не заинтересованных в развитии города, который для них только объект эксплуатации. Но, как пояснил мне Алексей Александрович Новиков, до сих пор не установлены твердые и справедливые нормативы участия предприятий в местном бюджете. А нужд у города и района — превеликое множество.

Хотелось бы сохранить своеобразие маленького городка, но время ставит новые строительные задачи. И, не решив их, в городе сегодня уже нельзя жить...

Начнем со стратегических, дорогостоящих. Необходим мост через Жиздру, — действует пока что временный, деревянный (в марте 1989 года снесло ледоходом, пришлось восстанавливать). Кстати, Оптина пустынь

готова материально участвовать в сооружении моста, а пока что монастырь возобновляет переправу там, где она была в старину.

Железная дорога режет центр города; надо бы перевести ее на прежнее место или построить тоннель... Но средства для этого нужны огромные!

Водоснабжение города держится «на одной нитке» водовода. Предстоит строить еще одну — иначе в любой момент Козельск может остаться без воды. Нужно 12 километров труб...

Намечена газификация города. Дело, насущно важное для Козельска... Но тут и проект, сроки, средства, материалы... Все упирается в малые возможности малого города. Нужна помощь, и городу помогают — не только Москва и Калуга, но и другие центры России.

В течение ряда лет в Козельске почти не строилось нового жилья. Сейчас наметились какие-то перспективы, но очень и очень скромные по сравнению с очередями нуждающихся. И если бы не вклад некоторых предприятий, впрочем, весьма умеренный, в жилищное строительство, положение было бы еще тяжелее.

Не приходится и мечтать о скором возведении новой гостиницы. Козельск, с его историей, с его памятниками и ландшафтом, особенно с его Оптиной пустынью, мог бы принять тысячи туристов, если бы нашлось, где принять. Мосгорэкскурсбюро уже готовит маршрут «Москва — Козельск — Оптина пустынь», но не знает, как и где разместить путешественников.

Козельск строит новое здание для больницы. И пока что откладывается жизненно необходимое для города и района строительство детского сада. Нет возможностей, нет средств строить сразу и то и другое! Бедность...

Построили в Козельске неплохое кафе у вокзала — «Встреча», есть симпатичная «Сластена» для детей, но в центре города, как назло, кафе редкостно неряшливое, напротив него — малопривлекательный ресторан «Огонек». Некоторое время существовало кооперативное кафе «Айгуль» (в Козельске!), но быстро прекратило свое существование. И почему везде у нас «кафе»? Где русская «чайная»? Почему исчезают общедоступные и недорогие столовые? Где народная инициатива?..

А думаем ли мы о том, что у нас есть люди, которым негде и не на что пообедать, что есть люди, живущие впроголодь? Да, они есть в любом городе, даже маленьком. Уже созревает в обществе убеждение, что нам нужны благотворительные столовые. Между прочим, в трапезной монастыря всегда накормят паломника...

Я видел на улицах Козельска жизнерадостных, бодрых людей, но подчас встречал и людей изможденных, плохо одетых... Видел убогих просителей в приемных учреждений района... Да, увы, есть у нас несчастные, и есть бедные, ютящиеся на старости лет в избушках, вросших в землю.

А сколько реальных бедняков в городе и районе? Так вопрос никогда не ставился, но бедняки есть, есть люди, семьи, доходы которых ни-

же прожиточного минимума. Только вот этот самый минимум никем не определен, не вычислен... Бюро социальной помощи при себе такой задачи, такой проблемы перед собой не ставит. Мы закрываем глаза на реальность жизни в маленьком городке, да и в большом тоже.

Как живут, сколько зарабатывают, где живут молодые семьи? Как проводят время, чем заняты, к чему стремятся молодые люди? Этого реально не знают ни власти, ни общественные организации маленького городка (в том числе и комсомол). Да и большого тоже... В нашей «глубинке», как правило, нет социальной программы для молодежи, нет социологического изучения ее нужд и запросов.

Дом культуры, как водится, имеет свой репертуар, но посещаются большинство его «мероприятий» плохо (об этом писала и районная газета). К этому необходимо добавить, что в Козельске Дом культуры построен по какому-то странному проекту (вывезенному почему-то из Ейска!). В результате зимой в Доме можно находиться только в пальто (а еще лучше — в шубе). Знаю не понаслышке, испытал сам.

В беседах с Диной Даниловной Селифоновой, секретарем райкома партии по идеологии, с Маргаритой Тимофеевной Нассоновой, директором Дома культуры, с Михаилом Михайловичем Якимовым, секретарем райкома комсомола, с другими работниками культурной, идеологической сферы постоянно приходили к общему выводу: проводим мы и предлагаем людям как будто бы много всего, но все это исходит от нас, от учреждений и организаций, а не от людей, и не является результатом их самостоятельной творческой воли. И оттого им не очень интересно... Вот в чем, наверное, главная беда.

Разного рода учреждения и организации, казалось бы, кипят деятельностью, но в районном городке (а часто и в областном) недостает ощущения самостоятельной общественной инициативы, самостоятельно и независимого общественного мнения. Люди нередко чувствуют перестройку лишь по газетам, большей частью московским, по радио и телевидению.

Был я на учительской конференции в Козельске. Открыл и вел конференцию председатель райисполкома, словно нет заслуженных, авторитетных педагогов. В президиуме — все районное начальство. Критика в выступлениях робкая, по частностям, беспроблемная. Стоило одной учительнице, кстати, совершенно справедливо сказать, что незачем посылать заведующего руно «на молоко», как секретарь райкома решительно возразил: дескать, заведующий руно исполнял обязанности члена райкома. В перерыве учителя пошли в свой буфет, для начальства было предложено отдельное угощение...

В Козельском Доме культуры, в Сосенском «Прометее» бывают, конечно, интересные вечера, устраиваются и танцы, что вполне естественно, но не проходят встречи, собрания большого гражданского, принципиального размаха, в духе революционной перестройки, в духе наших дней обновления, например, на темы «Мемориала». Что же касается об-

ществ «Знание», книголюбов, районной библиотеки, то они собирают все-таки неширокий круг людей.

Посмотрел я, как прошел новогодний «огонек» для ветеранов. Приглашены были только избранные (в городе ветеранов намного больше). И опять-таки это было «мероприятие», в меру душевное и занимательное, но по-своему снисходящее к старым людям. Была, между прочим, загадана загадка: кто из присутствующих умнее, стройнее и подвижнее (точно не помню, но смысл такой), и оказалось, что это секретарь райкома, действительно милая женщина, которой стало неловко... Конечно, шутка есть шутка, но «любоначалие» узнается сразу...

Когда приезжаешь, и не впервые, в маленький городок, то нет желания делить факты по разделам: вот экономика, вот культура, вот социальная сфера... Бросается в глаза и запоминается все вместе, и, вероятно, читатель готов произнести обидное слово, какое не хотелось бы произносить: «провинция». Ибо этой самой «провинциальности», разумеется, хоть отбавляй в столице, и дело не в удаленности от центра. Провинция, русская провинция — это по-настоящему плот духовных ценностей, наша опора; это, как сказал поэт, «обличье человечь».

Речь о другом... Мне очень не хочется быть несправедливым, невнимательным, тем более предвзятым; не хочется кого-то обижать. Я знаю, что в Козельске есть свои энтузиасты, умельцы, что затеваются и свершаются интересные дела. Речь идет об уровне творческого мышления, определяемом и ограниченном той «заятостью», какая, на мой взгляд, есть вообще в наших областных и районных буднях. Проявляется эта «заятость» по-разному.

Пример, казалось бы, явно положительный... Человек увлеченный, влюбленный во все живое, Василий Артемьевич Самойлов много лет посвящал тому, чтобы в Козельске открылся свой Дом природы. И вот он открылся — торжественно, радостно была перерезана ленточка у входа, и теперь от экскурсий нет отбоя. Но энтузиасту, видимо, мало помогли: в эпоху повсеместного уничтожения природы мы смотрим благостную экспозицию, состоящую из деревянных поделок, лирических пейзажей и просветительских пособий. Нет тревоги, не названы враги природы, не указаны адреса бедствий, нет современной экологической проблематики — на материале района, области, страны, мира. Дом природы должен быть местом, вызывающим к защите природы, чтобы козельчане, особенно юные, побольше узнавали, какая опасность грозит земле и людям, а не просто созерцали натюрморты... Вот другой энтузиаст, инженер-конструктор, изобретатель Юлиус Федорович Репман: он придумал интереснейшее дело — школьный кооператив при механическом заводе, кооператив учебный и производственный одновременно, чтобы готовить из школьников профессионалов — слесарей-инструмен-

тальщиков, токарей, швей, закройщиков, которые в процессе учебы могли бы и что-то реальное создавать, и зарабатывать. Вместе с ребятами продумали устав экспериментального кооператива «Витязь», долго ждали утверждения, потом оказалось, что не подобраны рабочие места, не определена система оплаты. Девушки сшили 100 пар рукавиц, а бухгалтерия не приняла счет, заявив, что школьницы слишком много заработали. Доверие к кооперативу, к перспективному начинанию было подорвано, пусть на время, а время-то и дорого в учении и в работе. Ю. Ф. Репман с трибуны учительской конференции сетовал на препятствия, непонимание, на отсутствие поддержки...

И все-таки новые люди, новые голоса, новые веяния явственно начинают менять жизнь. В колхозе «Дружба», Волконского сельсовета, что близ Козельска, меня познакомили с парнями-трактористами, которые ради самостоятельности пошли в животноводство, в эту непрестижную для мужчин сферу, вчетвером взяли двор на 200 голов нетелей, работают по договору с колхозом, получают по 250 рублей аванса в месяц, а главное — чувствуют себя хозяевами, хотя это даже и не аренда, только шаг к ней... Рассказывая о том, как понемногу пробивает дорогу чувство хозяина, Валентина Михайловна Михалева, председатель колхоза «Дружба», вздохнула: «Эх, что ж мы сделали с людьми...» Но растет в народе потребность взять в свои руки серьезное дело.

Эти, может быть, разнородные и разноречивые факты создают для меня «единый музыкальный напор». Есть прибывающие свежие силы, но есть и «ограничители» социальной энергии народа. Они не обязательно в каких-то запретах, но в некоем заданном «потолке».

И не случайно народ ценит людей, которые доказали, что они способны прокладывать путь перестройке и закреплять ее в жизни, в реальных достижениях. Козельчане избрали народным депутатом А. С. Полуэктова, а рабочие механического завода избрали его теперь своим директором. И мне было радостно узнать из калужской газеты «Молодой ленинец», что на Съезде народных депутатов Александр Сергеевич был среди тех, кто поддерживал, например, академика А. Д. Сахарова. В той же газете я прочитал, как решительно избранник козельчан выступает против чиновничьих привилегий.

Мне кажется, что страхнуть безразличия к своей социальной судьбе и отрешиться от безразличия к высшим духовным ценностям — задача единая. Это и означает обрести себя как народ, а не просто сумму населения.

И чудится, что Козельск ждет, чтобы оделили город любовью, возвысили гордостью, чтобы ощутили в нем не просто еще один райцентр или место жительства, а саму Родину.

1988—1989

ГОЛУБЫЕ ВРАТА

Малоярославец, 1812 год

*Режут ветер каменные грани...
Алексей Прасолов*

Обычное дело... Вы собираетесь в древний русский городок, что на пути из Москвы в Калугу, вас влекут памятники старины, славные свидетельства истории, а встречают вас прежде всего громыхающие судороги современности — большой железнодорожный узел, задымленное, скрежещающее шоссе, мчащееся прямо сквозь улицы, какой-то разросшийся не то город, не то поселок, каких много на нашей земле, чересполосица деревянных домиков и бетонных коробок...

Малоярославец... Вряд ли при беглой встрече с ним вы свяжете облик города с далью веков, но историки знают, что древнее имя его впервые упомянуто около 1401—1402 годов в духовной грамоте князя Владимира Андреевича Храброго-Донского (двоюродного брата Дмитрия Донского), того самого, который командовал засадным полком в Куликовской битве. Ярослав — в честь сына князя, Ярославец Малой, Малый Ярославца... Так называли город — в отличие от Ярославля на Волге, но в гербе Малого Ярославца тоже был изображен медведь, стоя держащий секиру, — отражение легенды о поединке князя с медведем. Символ воинской судьбы...

По пути к центру города вас встретит монумент Скорбящая Родина-мать на Кургане Славы. За ней — бесконечное множество наших соотечественников... И тех, что лежат в этой земле, и тех, кто остался далеко от родного края... Среди них — горестный ряд имен юношей, почти мальчиков, ушедших на войну из-за парты, от школьной доски... И надпись гласит: «Они отдали свои жизни за нашу Родину, за твое счастье...» 1 января 1942 года после семидесяти пяти дней оккупации Малоярославец был освобожден.

Героические тени предков высились за спиной наших бойцов. Сам город напомнит вам об этом. Разделенные веками эпохи встречаются на его улицах. Но увидеть и осознать связь времен сразу трудно. Будни застилают глаза. Это постигается не с первого взгляда.

Вот почему, наверно, необходимо не один раз прийти в сквер Памяти павших в 1812 году — одно из самых удивительных мест Малоярославца. В начале этого сквера стоит скромная часовня, построенная в 1860 году в память русских воинов, павших 12(24) октября 1812 года во время Малоярославцевского сражения. Этот маленький храм-памятник (к сожалению, крест на нем заменен шпилем) сооружен участником боя майором Ф. М. Максимовым на месте гибели его товарищей. Здесь же находятся братские могилы русских воинов.

Сто лет высились земляные холмы. 1912 год... По инициативе генерала А. И. Литвинова на могилах воздвигаются памятники — проект военного инженера А. В. Вехновского. Вся Россия собирала пожертвова-

ния на памятники... И памятники вышли замечательные, впечатляющие — по-солдатски простые, строгие, выразительные, они увенчаны высокими чугунными крестами. Рассказать о них можно и в двух словах, можно говорить бесконечно, но их надо видеть — это памятник и павшим, и тем, кто хранил память «Доблестным прадедам»...

В часовне сейчас размещена диорама «Малоярославецкое сражение» (автор — художник Е. И. Дешалыт). А в центре сквера Памяти павших в 1812 году — бюст Михаила Илларионовича Кутузова, сказавшего: «Малоярославец — предел нападения, начало бегства и гибели врага».

И начинаешь чувствовать, что это такое и как это совершалось, когда неподалеку, у современной школы, видишь камень, отмечающий место, откуда 12(24) октября 1812 года била по врагу артиллерия Д. С. Дохтурова....

И резче понимаешь, что почти полвека назад эта земля стала вновь пределом нападения и началом гибели врага, только неизмеримо более страшного...

Но у города пока что нет историко-краеведческого музея, как нет и картинной галереи. Есть содержательный Военно-исторический музей 1812 года. Диорама — отдел музея; главная экспозиция — поблизости, в новом здании. Заведующая музеем Наталья Владимировна Котлякова — энтузиаст и знаток местного краеведения, истории и культуры города; при ее активном авторском участии (совместно с В. А. Рыжковой) выпущен в издательстве «Советская Россия» хорошо подобранный цикл открыток, посвященный памятникам истории и культуры Малоярославца, отпечатан в типографии АПН иллюстрированный буклет «Малоярославец». Наталья Владимировна рассказывает о планах расширения музея, о работе клуба старожилов, о том, как добились возвращения одной из улиц города старого названия — Калужская, и что надо бы вернуть еще одно имя — Солдатская... О здании бывшей почтовой станции, где проездом в Калугу в июле 1849 года останавливался Н. В. Гоголь. Здесь обязательно должен быть музей... Планов, замыслов много...

И все-таки показалось, что в городе нет сильно выраженного общественного мнения и движения в защиту памятников истории и культуры (такого, скажем, каким в Калуге является клуб «Добрая воля»). Осталось, например, неясным (я беседовал об этом и с заведующей отделом пропаганды и агитации Малоярославецкого райкома партии Людмилой Ивановной Гороховой), почему на здании действующей Успенской церкви, возведенной на народные пожертвования в 1912 году, к 100-летию Отечественной войны, не была установлена мемориальная и охранная доска в 1987 году, к недавнему 175-летию славного исторического события. Не почувствовалось определенности, надежности и в подходе к другим мемориальным вопросам, особенно к судьбе Черноостровского монастыря. Правда, их решение подчас зависит гораздо больше от Калуги и Москвы, чем от Малоярославца. (В печати промелькнуло тревожное сообщение, что будто бы Калужским облисполкомом намечена передача бывшего монастыря коммерческой организации. Это было бы гибелью памятника культуры...)

Горестные утраты нашего культурного, архитектурного наследия особенно заметны при сравнении современных видов города с его изображениями на старых открытках. «В память о Малоярославецком сражении на площади города была сооружена в 1844 году пирамида высотой 22 м из черных чугунных плит, которые отливались на Александровском заводе в Петербурге. Пирамиду перехватывал пояс из бронзовых орлов и венчала ее позолоченная «луковка». К сожалению, монумент не сохранился», — читаем мы в одном из последних изданий (о них речь шла выше). Исчезновение монумента и фактическое уничтожение Казанского собора (все это произошло в известную пору, когда были снесены, загублены многие памятники русской культуры) в значительной мере лишило величия центральную площадь и улицу Малоярославца.

Лучшим зданием города остается, несомненно, церковь Успения Божией Матери, Успенская церковь, грандиозная, несколько тяжеловесная, но очень красивая, бело-голубая — храм-памятник 100-летию Отечественной войны 1812 года. Однако стоявшие на этой же площади Казанский собор и монумент-памятник вместе с нею образовывали неповторимый ансамбль, ныне разрушенный. И можно лишь мечтать о его возрождении...

О Казанском соборе в популярной брошюре говорится загадочно: «Городская площадь — средоточие памятников... Казанский собор (1739—1744 г.г.), построенный дедом писателя-революционера А. Н. Радищева, — самое старое из каменных строений города». Значит, собор существует?.. В интересном и полезном плакате «Архитектурные памятники Малоярославецкого края», который выпустило районное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, подробно рассказывается об архитектуре и истории строительства кафедрального собора города, являющегося также «храмом-усыпальницей рода Радищевых». В итоге автор текста заявляет: «И нам, помимо архитектурных достоинств памятника, дорого все, что связано с именем А. Н. Радищева».

Так ли уж дорого?.. Ведь по захоронениям Радищевых топают кинозрители: от всего собора, который было видно издали, оставлен лишь «вместительный четверик», превращенный в плоский кинотеатр; ампирная колокольня (1885 года), как говорится в плакате, дивно вызвавшая благовест и перезвон, давно разрушена и снесена. Так что остатки собора, не зная грубой реальности, не сразу и найдешь... Неподалеку строится новое здание кинотеатра... И теплится надежда, что придет — еще в нашем столетии — срок для реставрации старейшего каменного памятника истории и культуры Малоярославца. Правда, ничего определенного на этот счет в городе никто не знает...

Самое большое чудо Малого Ярославца ждет вас совсем недалеко от центральной площади города, недалеко от Успенской церкви, остатков Казанского собора, там, где город неожиданно обрывается над доли-

ной очень милой речки Лужи, несущей свои воды в Протву — приток Оки. Пройдя деревянными переулками, мимо домов обычных, а иногда и причудливых, вы попадаете вдруг к тому, что называлось — Черноостровский монастырь. Темные леса, идущие к горизонту, они уже на другом берегу Лужи, за Ивановым лугом и дальше, дальше, выше...

Но прежде, чем вы оглядите этот простор, вас ждет, я думаю, потрясение... За непритязательной современной оградкой вы читаете надпись на камне: «На этом месте был командный пункт М. И. Кутузова во время сражения за г. Малоярославец 12/24 октября 1812 года». Великое место... А вокруг — до того буднично... Даже в двух шагах — еще одна оградка, почти такая же, только поменьше, и на ней надпись: «Огнеопасно. Газ». Жизнь есть жизнь, иное время, все понятно... Не думайте, что сейчас начну ворчать на местные власти и равнодушную общественность, хотя и есть за что. Я призываю вас снова обернуться к монастырю, к реке, к темным лесам на другом берегу...

Так вот где кипел бой... Здесь вы невольно переносите на эту местность, на этот ландшафт все, что вы видели в музее, на картинах, на схемах сражения, на диораме. В этот простор вглядывался Кутузов... Вон там, за рекой, за Ивановым лугом, сквозь лес подымается — далеко от нас — дорога, белая полоска сквозь темный лес. Это Боровская дорога... Оттуда пришел Наполеон. Где-то в этих лесах казаки Платова потом едва не пленили французского императора. На этом просторном лугу, перед маленькой речкой Лужей, стояли войска Наполеона... И тогда совершают свои подвиги П. И. Быковский и С. И. Беляев, сумевшие задержать врага на подступах к городу, на другом берегу. А потом — многочасовое сражение, в котором насмерть бились русские полки. Войскам Наполеона не удалось выйти на Калужскую дорогу, враг отступил. И день Малоярославецкого сражения Кутузов считал «одним из самых знаменитейших в сию кровопролитную войну...» Русская армия перешла в наступление. И рядом с Кутузовым — Дохтуров и Никитин, Раевский и Платов, Ермолов и Милорадович...

Как будто бы известные факты... Но вот вы стоите на месте великого события... На «Голубых воротах» (наверное, все-таки «вратах») монастыря до сих пор видны выбоины, раны, нанесенные тем сражением. Черноостровский монастырь, площадь перед монастырем и весь видимый ландшафт по берегам реки Лужи, весь этот обзор — единственный памятник славному 1812 году, героям Малоярославецкого сражения.

Но что представляет собой сегодня архитектурный ансамбль Черноостровского монастыря?.. Хладнокровные, закаленные специалисты, может быть, и скажут: реставрация. А простой человек посмотрит и невольно произнесет: разруха... Сравнительно недавно здесь даже были жилые квартиры, потом людей выселили, дали им новые квартиры, и здания оказались практически без хозяина... Сейчас здесь открыт реставрационный участок, трудятся несколько рабочих (из них я едва оты-

скал в этих руинах одного). Но все это выглядит мизерно по сравнению с общим объемом предстоящей реставрации.

Когда-то довольно давно, я помню, так выглядел, например, Ипатьевский монастырь близ Костромы. Но ведь восстановили, создали серьезный и яркий музей-заповедник, включили в «Золотое кольцо». Почему же Черноостровский монастырь, основанный в XIV—XV веках в честь победы на Куликовом поле и стоящий в истории Отечественной войны 1812 года рядом с такими местами, как Бородино, пребывает в столь обидном небрежении?.. Ведь это могло бы быть одно из красивейших и важнейших мест увлекательного историко-патриотического путешествия по России.

Увидев Черноостровский монастырь, я был поражен, что о нем так мало знают. Достаточно взглянуть на Никольский собор монастыря, заложенный первоначально как храм-памятник в честь победы 1812 года, обойти со всех сторон это масштабное и гармоническое творение (предположительно архитектора А. Л. Витберга), чтобы оценить размах и артистизм зодчего, строителей собора, вознесшегося на 48 метров над холмом, а над долиной реки — еще выше. Ансамбль монастыря подымается от собора вверх по береговому откосу. Еще выше собора оказывалась колокольня (которую предстоит восстанавливать). Стены, башни, главы, строения, врата монастыря искусно сочетаются с ландшафтом и представляют собой замысловатое «кольцо в кольце». Это в полном смысле законченное, четкое и вместе с тем прихотливое, сказочное сооружение, художественное и инженерное.

Всмотревшись в этот ансамбль, обойдя все его уголки, видишь, что, конечно, здесь уже в разных местах и в разное время немало сделано реставраторами. Но из-за отсутствия деятельного хозяина и какой-то внутренней цели даже отреставрированные строения снова ветшают, а ведь кругом много и просто обыкновенной разрухи... Думается, что в наше время, в условиях нового мышления, мы непременно должны посоветоваться с изначальным хозяином монастыря — Русской Православной Церковью, со строителями, реставраторами Свято-Данилова монастыря, Оптиной пустыни. И, может быть, именно в результате диалога учреждений церкви и учреждений культуры возникнет плодотворное решение судьбы Черноостровского монастыря. Иначе все тот же грустный долгострой, когда по мере неспешной реставрации одного здания быстро и неуклонно рушится другое. Я лично вижу Никольский собор действующим храмом, воскрешающим духовную атмосферу, которая вдохновляла русских воинов, защитников Родины. По примеру ряда действующих обителей (Троице-Сергиевой лавры и других) здесь могли бы творить общее дело культуры и церковь, и музей-заповедник. Над аркой Голубых ворот, ведущих в монастырь, над выбоинами от пуль 1812 года кто-то уже укрепил в нише лик Спасителя...

Трудно поверить, но среди полуразрушенных, полузаброшенных и полуреставрированных зданий, груд кирпича, куч окаменевшего це-

мента и слежавшегося мусора за оградой Черноостровского монастыря живет и действует Малоярославская художественная школа, где учатся 130 детей (!). И вокруг хлопочет неунывающий, полный созидательных планов директор школы Николай Яковлевич Фроленков. Сейчас школа помещается в бывшей Корсунской церкви (узнать церковь и внутри и снаружи невозможно). Реставрируется, ремонтируется настоятельский корпус, который тоже должен открыться для школы. Директор завязал отношения с новыми кооперативами в Обнинске, надеется, что выручат. Выходит, ансамбль монастыря сегодня не бесхозный, есть о нем забота?.. Но согласитесь, считать так по меньшей мере несерьезно; взрослые дяди из московских и калужских учреждений культуры не имеют права перекладывать судьбу огромного сооружения, великого памятника на слабые плечи детской школы.

Ясно, что памятник здесь не только ансамбль монастыря, но и ландшафт, а он незащищен, пока нет здесь музея и нет заповедника. На другом берегу Лужи какой-то завод возвел в створе с Никольским собором многоэтажное здание. А ведь надо сохранить местность, хотя бы в очертаниях, такой, какой ее видели герои 1812 года. Напротив монастыря — древнее городище, таящее в себе загадки многовековой славянской культуры. За рекой — Иванов луг... А дальше — погост Карйж, известный с первой половины XVI века, действующая церковь Покрова Богородицы, построенная в 1701 году, с колокольней 1798 года. И большое село вокруг... Вся эта красота видна от монастыря, в низине, в долине Лужи... Вот край, достойный стать заповедным. Иначе ничего не спасем для будущих поколений, как родник живой воды, что бьет из-под стен монастыря...

Вспомнишь село в долине под монастырем — и хочется снова увидеть все это... Карйж...

Перед отъездом из Малоярославца захотелось еще раз побывать в сквере Памяти павших в 1812 году. От второго памятника, оказывается, виден Черноостровский монастырь, но между ними — домики, домишки, сжимающие сквер, а здесь нужен простор, нужна и охранная зона — от памятников до монастыря. Удалось перед отъездом посмотреть и третий, дальний памятник героям 1812 года — там, где старое Бессоновское кладбище, на высоком холме, на камне — чугунный большой крест...

Дорога к «дальнему» памятнику привела и к мемориальному дому, где с 1914 по 1949 год жил и работал известный русский художник Афанасий Ефремович Куликов. Это дом-мастерская, со стеклянным окном в небо — «фонарь», говорят мастера. Дом гостеприимно показал нам художник Владимир Афанасьевич Куликов, продолжающий дело отца. Мы видим по всему дому талантливые работы Куликова-старшего: «Пушкин в Полотняном заводе», «Александр Невский в Новгороде», портрет жены, прекрасной русской женщины, автопортреты... (У Куликовых было семь детей — своих, да еще приемные). И дом-мастерскую,

картины А. Е. Куликова наследники дарят городу Малоярославцу. Дарят от всей души. Город, кажется, и рад бы принять дар, но дом ведь требует ремонта, заботы. Так и остается дар непринятым, а годы летят... Между тем музей города мечтает открыть здесь еще один свой раздел (как и в доме, где останавливался Н. В. Гоголь и где пока что находится учреждение). А решения, действия откладываются, откладываются...

Все же эта завершающая предотъездная встреча была светлой. Работы В. А. Куликова, посвященные 1812 году, можно видеть в музее. А тут, в мастерской отца, мы видели сына, верно хранящего и отдающего людям память, красоту, добро. Между прочим, на той же улице по дороге мы обратили внимание на массивные, монументальные развалины. «Это была церковь Иоанна Предтечи», — сказал Владимир Афанасьевич. На стене в его доме висит картина, где он изобразил этот храм в целостности и сохранности — по памяти.

И почему-то все время звучит: «Режут ветер каменные грани, Режут на два ветра».

1988

В ГОСТЯХ У ЖУРАВЛЕЙ

Памяти Сергея Клычкова

*Он первым увидел, что земля поехала, он видит,
что это предзорная колесница увозит ее к новым
берегам, что березки, сидящие в телеге земли, проща-
ются с нашей старой орбитой, старым воздухом
и старыми тучами.*

Сергей ЕСЕНИН. «Ключи Марии».

«Столетье с лишним — не вчера...» Да и просто столетие... Что это? Когда ставят памятники? Или когда совсем забывают?

Как легко забыть! И как трудно вспомнить, как трудно восстановить нить преемственности.

Тяжело, ох, как тяжело, драматично, трагически сложилась судьба замечательного русского поэта и прозаика, погибшего в годы сталинских репрессий, — Сергея Антоновича Клычкова (1889 — 1937). И посмертная судьба его наследия оказалась нелегкой...

Вот в руках у меня интересный сборник — «Памятные книжные даты» на 1989 год (издательство «Книга»). Есть столетие Анны Ахматовой, есть юбилей Николая Асеева, нет столетия Сергея Клычкова...

А был он человек удивительно яркий, редкостно одаренный... Я спросил у Михаила Александровича Дудина: «Вы помните Сергея Клычкова?.. Какой он был?..» И услышал в ответ: «Очень красивый он был. И очень чистый... Высокий, необыкновенный, черные, иссиня-черные волосы, синие глаза, одет как-то необычайно...».

В 1956 году Сергей Клычков был посмертно реабилитирован, и только через три десятилетия книги его стихов и романов начали возвращаться к читателю. А ведь воспринять и осмыслить мир художника — не минутное дело... «О нем молчали полвека» — так назвала свою статью о Сергее Клычкове Л. Соболева («Ленинское знамя»).

Только в 1988 году мы узнали, когда погиб Сергей Клычков... Дочь писателя Евгения Сергеевна Клычкова опубликовала выдержку из официального документа, датированного июлем 1988 года, и там, в частности, говорится, что С. А. Клычков необоснованно осужден 8 октября 1937 года по ложному обвинению. «Клычков С. А. был приговорен к расстрелу. Сведениями о точной дате исполнения приговора не располагаем, однако известно, что, по существовавшему в то время положению, такие приговоры исполнялись немедленно по вынесении. Места захоронения осужденных к расстрелу не фиксировались» («Новый мир», 1988, № 11).

Итак, дата гибели Сергея Клычкова условная — 8 октября 1937 года... Она становится известна только более чем через полвека после расправы над писателем... Где же могила невинно убиенного?.. Куда положить цветы? («Где он, бронзы звон или гранита грань...»). Остается повторить слова Сергея Клычкова:

Вечно лишь души сиянье,
Заглянувшей в мрак и тьму.

В 1988 году опубликованы потрясающие материалы семейного архива Клычковых — «Николай Ключев в последние годы жизни: письма и документы» («Новый мир», 1988, № 8). Один из публикаторов — сын Сергея Клычкова, Георгий Сергеевич Клычков, талантливый ученый-лингвист, скоропостижно скончавшийся, когда подготовка писем к печати была близка к завершению... Другой — Сергей Иванович Субботин, известный наш исследователь творчества новокрестьянских писателей, прежде всего Николая Алексеевича Ключева, являющегося, можно сказать, духовным отцом этого самобытного и глубокого направления русской литературы двадцатого века.

Письма Николая Ключева из нарымской ссылки — это, без преувеличения, душераздирающий человеческий документ великой трагедии русской народной культуры в черной ночи сталинщины. «В моем великом несчастье только ты один и остался близ моего креста — пусть земля и небеса благословят тебя», — пишет Николай Ключев Сергею Клычкову. И это послано из ссылки еще в августе 1934 года! Ключев обращал-

ся ведь и к Первому съезду писателей — в надежде на облегчение своей участи. И Клычков, уже тогда затравленный, оклеветанный, хлопотал за старшего собрата. В октябре 1934 года Клюев был переведен в Томск, а летом 1937 года снова арестован... Вероятнее всего, он погиб в томской тюрьме («Новый мир», 1988, № 8).

Так опустился занавес над великой главой в истории отечественной литературы. Николай Клюев, Сергей Клычков, Сергей Есенин, Александр Ширяевец и другие новокрестьянские писатели воспели и оплакали судьбу русского крестьянства, запечатлели подвиг и трагедию русской деревни. Искренняя и горькая эта «слеза» подчас казалась чрезмерной и неуместной энтузиастам, «неистовым ревнителям» небывалого революционного переворота. Но прошло время, и оказалось — после всего испытанного и пережитого, — что это «как раз». Мир новокрестьянской поэзии и прозы несводим к деревенской теме и не отделен какой-то «оградой» от всей русской литературы двадцатого века.

Не только Александр Блок и Андрей Белый, прямо связанные с новокрестьянскими писателями, но и Анна Ахматова и Осип Мандельштам, как будто бы не очень близкие к ним, оказываются духовно соединенными с клюевско-есенинской плеядой. С другой стороны, песни Николая Клюева, Сергея Есенина, Сергея Клычкова — теперь уже признано — не «деревенская околлица», а драгоценное достояние «серебряного века» русской культуры, и мы видим нити, связующие этот поэтический мир с образным строем Алексея Ремизова, Михаила Нестерова, Сергея Коненкова. А без них не было бы Павла Васильева, Андрея Платонова, Михаила Пришвина...

Поразителен тот сплав различных начал, что являет собой творчество новокрестьянских писателей. Безусловная, выстраданная, неподдельная преданность революции в ее крестьянском, народном, демократическом осмыслении сочетается с глубокой погруженностью в храмовую музыкально-словесную, духовно-нравственную атмосферу русского православия и старообрядчества; «крестьянский уклон», истовая верность судьбам, труду, устоям, красоте, чаяниям русской деревни входит в общий символистско-романтический, мифо-провидческий, философский настрой русского искусства начала века. Преследуемые начетчиками, фариисеями и палачами, они все-таки сложили свой реквием, свой гимн, оставили завет народной культуры, народного артистизма...

Я до сих пор сам себе не верю, что знал человека, дожившего до 102 лет, и что этим человеком был Петр Алексеевич Журов (1885—1987), друг Сергея Антоновича Клычкова, оставивший о нем, молодом, свои воспоминания («Русская литература», 1971, № 2). Петр Алексеевич показывал мне дореволюционную фотографию примерно 1913 года, где на лесном пригорке летом сидит группа людей, и среди них Клычков и Журов... Вглядываешься в лица — кого и какая ждет судьба? Как угадать?.. Люди «серебряного века» верили в чудесное, верили в Китеж-град, и не случайно Журов и Клычков вместе побывали на овеян-

ном сказкой озере Светлояр. Впоследствии и Петру Алексеевичу довелось испытать муки и унижения сталинских лагерей, но судьба словно бы облекла его поручением — донести до нас свет духовности этого поколения, вот таких людей...

Но каких?.. Петр Алексеевич поражал естественным, неразложимым сочетанием утонченности, одухотворенности и воли, заземленности, укорененности (хотя никак не приземленности, скорее высоты, несклоненности). Я и до сих пор, думая о Клычкове, вспоминаю Журова, чувствую, что он связал нас, не одного меня, с временами Блока, Вяч. Иванова, Есенина, Воронского — очень разными людьми и временами, сходящимися тем не менее в какой-то одной точке исторической судьбы. (Вдохновленный П. А. Журовым, диафильм о подмосковных клычковских местах создал фотограф-художник В. С. Молчанов.)

Кстати, именно от П. А. Журова я узнал, что во Франции есть серьезный исследователь и издатель творчества Клычкова — Мишель Никё, и так мне посчастливилось начать знакомиться с его публикациями и изданиями, посвященными Клычкову, которые стали появляться задолго до наших, отечественных. Между прочим, М. Никё едва ли не впервые обратил внимание, что в автобиографии Клычкова, в словах: «Мать с отцом промышляли (земля у нас не кормит, тверская скудная земля)» — есть скрытая цитата из Ахматовой: «...Но все мне памятна до боли Тверская скудная земля».

Да, и это мелодия не только ахматовская, но и блоковская, некрасовская, тютчевская («Край родной долготерпенья...»). И, конечно, есенинская, клюевская, клычковская... А разве не пушкинская?.. Такая пронзительная нота... Общая, но, быть может, «с крестьянским уклоном». Клюев сказал о Клычкове, что он «от тверских дубленых пахот», и назвал стихи младшего собрата «еловыми почками», не забыв о «лесном» мире клычковской прозы, выросшей из родной земли. «Зори-очи» поэта вобрали этот мир, не скудный, но щедрый духовно.

«Анна Андреевна! А Вы помните Сергея Клычкова?» И Анна Андреевна отвечает: «Клычков тоже был своеобразный поэт. И ослепительной красоты человек». Потом произносит:

Впереди одна тревога
И тревога позади,
Посиди со мной немного,
Ради Бога посиди...

Ну, конечно, этот диалог я вообразил, но не совсем... У меня в руках «Ахматовский сборник» (1, Париж, 1989). И статья Мишеля Никё «Ахматова и Клычков», где приводится по воспоминаниям и такое свидетельство: «Анна Ахматова видела его студентом: никого красивее не видела». В своей статье М. Никё напоминает, что в бывшем Нащокинском переулке (ныне улица Фурманова, близ Гоголевского бульвара

в Москве) стоял «писательский дом», где жили, в частности, М. А. и Е. С. Булгаковы, В. Е. Ардов, О. Э. и Н. Я. Мандельштамы, у которых останавливалась Ахматова. Там же читаем воспоминания современников о Мандельштаме, в которых говорится: «С явной симпатией, может быть, правильнее было бы даже сказать — с любовью, относился О. Э. к своему соседу по квартире... С. А. Клычкову». Осип Эмильевич и Сергей Антонович, как же соединила вас судьба... И вас, и Николая Алексеевича Клюева, и еще многих, многих... «Уводили тебя на рассвете...»

Там же — выразительный портрет Клычкова, созданный Николаем Михайловичем Любимовым:

«У Клычкова было все особенное, все самобытное: от писательского почерка до манеры одеваться. Когда он шел по улице, на нем нельзя было не остановить взгляда... Черты лица его были крупные, резки, но правильны. Посмотришь на него да послушаешь окаящий его говор — ну, ясное дело: русский мужик, смекалистый, толковый, речистый, грамотей, книгочей, с хитрецей, себе на уме, работающий, мужик, который ушел из деревни в город на заработки, давно уже на «чистой работе» и с течением времени приобрел городские замашки — чисто бреется, носит шляпку, «спинчиак», а галстуков не признает. Но вот он задумался, и мысли его сейчас далеко-далеко!.. В горделивой посадке головы и изяществе движений что-то почти барственное. Все лицо озарено изнутри. В больших синих-синих глазах, не глазах — очах, читается судьба русского таланта, всегда за кого-то страдающего».

Но я не в силах восхищаться сейчас этим ярким портретом, этим удивительным человеком... Я только могу повторять: уничтожили, уничтожили... Да еще сначала ославили, оговорили, припечатали — «кулацкий», «реакционный», «мистический», а от клеветы в ту пору было недалеко до гибели. «Звезды смерти стояли над нами...»

Меня раздели донага
И достоверней были
На лбу приделали рога
И хвост гвоздем прибили...

Пух из подушки растрясли
И вывалили в дегте,
И у меня вдруг отросли
И в самом деле когти...

И вот я с парюю клешней
Теперь в чертей не верю,
Узнав что человек страшней
И злей любого зверя.

Волей-неволей вспомнишь: «Все перепуталось навек, И мне не разоб-
рать, Теперь, кто зверь, кто человек, И долго ль казни ждать».

И еще была — для родных — такая «наука», постигаемая со време-
нем, что «десять лет без права переписки» — это... расстрел. И дошедшая
до нас гордая и горестная молва, что поэт держался со следователем
смело, независимо. И еще — память о дерзких глазах, что бесили тюрем-
щиков... И вера:

Одной душе даны, как птице крылья,
Чтоб в смертный час вспорхнуть и улететь.

«Родился я в 1889 году в июне месяце в деревне Дубровки, Тверс-
кой губернии, Калязинского уезда... Детство мое протекло с глазу на
глаз с бабкой Авдотьей. Лес у нас в ту пору стоял почти у окон заповед-
ный, мимо крыльца лоси ходили в метели, в лесу водилась разная дико-
вина, и вообще было все, если теперь вспомнить, как выдуманное...».

Это тот самый Чертухинский лес, та самая «лесная сторонка», отку-
да явился клычковский «Чертухинский балакирь». И из тех же родных
краев вырос клычковский «Темный корень» («Князь мира»), и оттуда же
пришли мужики «Сахарного немца». Так Чертухинский лес породил
автора необыкновенных романов-сказов с Лесковым, Мельниковым-Пе-
черским, Пришвиным.

Задумано было девятикнижие: «Живот и смерть» — о судьбе рус-
ской деревни. Написано и вышло три романа («Сахарный немец», «Чер-
тухинский балакирь», «Князь мира»). Все они включены в однотомник,
изданный «Советским писателем» в 1988 году (составление, предисловие
и примечания Н. М. Солнцевой). Изданы недавно поэтические сборни-
ки Сергея Клычкова, составленные Н. В. Банниковым (издательства
«Современник» и «Художественная литература»). Художник Н. И. Ка-
лита создал цикл гравюр к стихам Сергея Клычкова. Стихи Сергея
Клычкова вошли в антологию «О Русь, взмахни крылами...». Поэты есе-
нинского круга», подготовленную С. Ю. и С. С. Куныевыми («Москов-
ский рабочий»). Но это только начало... Сергея Клычкова наш читатель,
в сущности, еще не знает.

Неизвестные страницы биографии и творчества С. А. Клычкова от-
крывает публикация, подготовленная Н. В. Клычковой и С. И. Суббо-
тиным («Новый мир», 1989, № 9).

Читатели ждут встречи с произведениями Сергея Клычкова
и в критическом, публицистическом жанрах. Поэт страстно отстаивал от
вульгаризаторов красоту, правду, русское искусство.

Думается, нужно издать и переводы Сергея Клычкова. Поэт перево-
дил вогульский эпос «Янгал-Мая», киргизский эпос «Манас», марийские
народные песни. Среди его переводов — страницы грузинской поэзии:
«Витязь в барсовой шкуре» Шота Руставели, стихи Георгия Леонидзе.

Это еще одно свидетельство щедрости художнического дара Сергея Клычкова, чутко слышавшего поэтические голоса братских народов.

«В гостях у журавлей» — так назвал поэт одну из своих стихотворных книг (1930). О себе и о своем заветном Сергей Клычков сказал:

Милей, милей мне славы
Простор родных полей,
И вешний гул дубравы,
И крики журавлей.

В Талдомском краеведческом музее открылась интересная экспозиция, посвященная жизни и творчеству С. А. Клычкова (составитель Т. А. Хлебянкина). У дома поэта установлен своеобразный памятный знак — деревянные журавли (автор проекта А. Н. Лебедев).

Дом поэта, построенный его отцом в родной деревне Дубровка, близ Талдома, ждет любящих, заботливых рук... Ждет защиты родная поэту с детства речка Дубна. Журавлиный дом Сергея Клычкова открыт людям, открыт дыханию Родины.

1989

ПЛАЧ И МУЖЕСТВО

«Реквием» Анны Ахматовой

*Ахматова — жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым...*

Николай Клюев

Николай Клюев, Осип Мандельштам... Сергей Клычков, Павел Васильев, Борис Корнилов... Имена эти далеко не исчерпывают наш поэтический мартиролог сталинских лет... «Мы живем, под собою не чуя страны» — донеслось через десятилетия...

Гибели поэтов предшествовала их травля в критике. «Клеветникам искусства» (1932) — так назвал Николай Клюев свое сильнейшее лирическое обвинение в адрес гонителей поэзии:

Я гневаюсь на вас и горестно браню,
Что десять лет певучему коню,
Узда алмазная, из золота копыта,
Попона же созвучьями расшита,
Вы не дали и пригоршни овса
И не пускали в луг, где пьяная роса
Свежила б лебедю надломленные крылья!

Николай Клюев защищает от «гнусавых ворон», от «клеветников искусства» поэзию Сергея Есенина, Павла Васильева, Анны Ахматовой, Сергея Клычкова, «певучую грозу» своих стихов... И создает лирические образы поэтов...

Ахматова — жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым,
Тропу ль утратила к пещерам,
Где Данте шел, и воздух густ,
И нимфа лед прядет хрустальный?
Средь русских женщин Анной дальней
Она как облачко сквозит
Вечерней проседью раки!

...История поэзии возникает для нас сегодня как бы в двух временных измерениях: ряд произведений минувших лет, будучи поэтически-ми событиями своего времени, приходят к читателям, в литературу только в наши дни.

«Реквием» Анны Ахматовой, будучи поэтическим текстом в основном предвоенных лет, становится доступен широкому читателю только в 1987 году («Октябрь», № 3, с предисловием Зои Томашевской; «Нева», № 6, с предисловием Михаила Дудина). И, например, стихотворение Ольги Берггольц «На воле», датированное октябрём 1939 года, мы прочитали тоже только в 1987 году («Знамя», № 3, «Из неопубликованного»). Вместе с поэтом мы сегодня говорим:

Неужели вправду это было:
На окне решетки, на дверях?..
Я забыла б — сердце не забыло
Это унижение и страх.
До сих пор неровно и нечетко,
Все изодрано, обожжено,
Точно о железную решетку,
Так о жизнь колотится оно..
В этом стуже, горестном и темном,
Различаю слово я одно:
«Помни», — говорит оно мне... Помню!
Рада бы забыть — не суждено...

Вспоминается стихотворение Евгения Евтушенко «Наследники Сталина», опубликованное в «Правде» 21 октября 1962 года. Там есть строки: «И я обращаюсь к правительству нашему с просьбой: удвоить, утроить у этой плиты караул, чтоб Сталин не встал, и со Сталиным — прошлое».

В том же номере «Правды», на той же странице было опубликовано стихотворение Ярослава Смелякова «Винтик», направленное против из-

вестного определения роли «простого человека». Поэт-демократ не приемлет такого механического представления и утверждает достоинство, гордость «простого человека».

24 ноября 1962 года в «Литературной газете» опубликованы «Стихи разных лет» Бориса Слуцкого, и среди них — «Бог» (1955), «Хозяин» (1954). Это были вехи идейного и художественного постижения нелегкой правды пережитого. «Мы все ходили под богом. У бога под самым боком. Он жил не в небесной дали. Его иногда видали живого. На мавзолее. Он был умнее и злее того — иного, другого, по имени Иегова...» Это и символ, и реальность: «Бог ехал в пяти машинах».

Были написаны книги Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Андрея Алдана-Семенова, Анатолия Жигулина... Выстраданное стало новилось поэзией и прозой. «Когда русская проза пошла в лагерь...» И поэзия тоже...

Важнейшее место в поэтическом осмыслении эпохи занимали стихи и поэмы Александра Твардовского. И прежде всего его поэмы — «За далью — даль» (1950—1960), «Теркин на том свете» (1954—1963). Твардовский не мог смириться с попыткой предать забвению дух XX съезда. И он пишет поэму «По праву памяти» (1966—1969), которая приходит к читателям лишь в наши дни...

Что дает единство голосу поэта на протяжении десятилетий? Откуда приходит этот единый поэтический «звук», узнаваемый в каждом творении и говорящий обо всем слитно и мгновенно?..

Может быть, это голос Музы, всегда новый и всегда родной, и всегда пророчащий... Помните знаменитое:

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

И мы теперь, узнав этот голос в ахматовском «Реквиеме», спрашиваем: «Ты ль диктовала поэту «Клятву» и «Мужество»?» И как будто слышим ответ: «Я». И испытываем поразительное чувство, сознавая, что это один голос...

В июле 1941 года Анна Ахматова пишет в Ленинграде четверостишие, известное под названием «Клятва»:

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит,
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Неужели были уже написаны почти все строфы «Реквиема»?.. Да, и уже было сказано с потрясающим лаконизмом:

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

И «Клятва» наполняется для нас новым смыслом: «Мы детям клянемся, клянемся могилам...» Всем пережитым страданием, всеми утратами клянется поэт в решающий для Родины час.

Весной 1936 года Ахматова побывала в Воронеже у Мандельштама. Рисуя Воронеж, она ощутит:

И Куликовской битвой веют склоны
Могучей победительной земли.

Эта вера прозвучит в военных стихах. Но стихотворение «Воронеж» заканчивалось так:

А в комнате опального поэта
Дежурят страх и Муза в свой черед.
И ночь идет,
Которая не ведает рассвета.

И все пережитое Ахматова несла с собой, и все пережитое вкладывала она в стихи, которые должны были крепить мужество защитников Родины.

В августе 1942 года Ахматова произносит со всей заклиняющей силой:

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!

Разве это только о войне?.. Ведь уже был, в сущности, написан «Реквием»... И за год с небольшим до войны Ахматова помянет всех страдальцев, стоявших вместе с нею — «И в лютый холод, и в июльский зной Под красною ослепшею стеною». Предчувствуется интонация военных стихов, когда Ахматова поминает в «Реквиеме»:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что красивой потрянув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,

Пусть также они поминают меня,
В канун моего погребального дня.

Предчувствуется эта «новая беда», которая обернулась войной... И в материнском страдавшемся сердце сложатся строки 1944 года о советской пехоте — «Победителям»:

Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки, —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, —
Внуки, братики, сыновья!

Эти строки диктовала Муза «Реквиема» — великого трагического творения Анны Андреевны Ахматовой... «Реквием» был пропущенным нами, но органичным звеном предвоенного творчества поэта. (Не случайно, думается, А. И. Павловский говорит про «стихотворные реквиемы» Ахматовой военной поры.)

Материнская Муза скажет в 1942 году, обращаясь к ребенку:

Принеси же мне горсточку чистой
Нашей невосковой студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

Эти стихи Ахматова посвятила памяти мальчика, своего соседа, погибшего во время бомбардировки Ленинграда. Но в строки вложена и та нежность, что звучит в великом Плаче Матери — в ахматовском «Реквиеме»:

Легкие летят недели,
Что случилось, не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядят

Ястребиным жарким оком.
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

То строки нежности, мольбы, заклятий — строки весны 1939 года... Не верилось в то, что происходило: «Нет, это не я, это кто-то другой страдает. Я бы так не могла...» (1938 год).

Некоторые стихотворения, вошедшие в «Реквием», мы знаем по отдельным публикациям: «И упало каменное слово...» («Приговор»), «Распятие», «Нет, это не я, это кто-то другой страдает...». Почти все стихотворения, строфы, составившие «Реквием», датированы предвоенными годами. Но окончательное единство этому циклу Ахматова придала в период, непосредственно наступивший после XX съезда партии. Новая эпоха открыла возможность ощутить строфы боли, гнева и горечи как единый катарсис, как целостное произведение, а в конечном счете как победу художника, человека и самого времени над злом.

Я помню, как в шестидесятые годы Анна Андреевна Ахматова радовалась новому признанию ее поэзии, встрече с молодыми ценителями ее стихов, новой атмосфере творчества. Когда мне довелось побывать в 1966 году у Ахматовой в Ленинграде и в Комарове, она говорила о появлении издания «Реквиема» за рубежом. Ахматова создала «Реквием», повиная велению совести и отзываясь на голос времени. Это был все тот же голос, что произнес: «Мы знаем, что ныне лежит на весах И что совершается ныне». Чувство историзма у Ахматовой было как будто врожденное. Отсюда эта глубочайшая связь с временем, с народом, при всей сложности и даже утонченности ее поэзии.

Но когда это началось?.. Когда возникла та народная интонация, что покоряет и в военных стихах, и в «Реквиеме», и в целом ряде других творений Ахматовой?.. Еще в 1923 году Мариэтта Шагинян была поражена тем, что «изысканная петербуржанка» Ахматова (с годами — все больше) умеет быть потрясающе народной, без всяких кавычек, без фальши, с суровой простотой и с бесценной скупостью речи.

Как естественно, просто, с каким достоинством звучит первая стихотворная строфа «Реквиема»:

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,—
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Эта строфа датирована 1961 годом, когда пережитые в годы сталинского культа несчастья можно было увидеть как уже одоленное, но мучительное прошлое, как трагическое наследие памяти, требующей бесстрашной правды и протестующей против равнодушного забвения. И этой строфе предшествует краткое и строгое в своей точности прозаическое «Вместо предисловия», начинающееся словами: «В страшные го-

ды ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях». Там, в этих очередях, Ахматова услышала вопрос: «А это вы можете описать?» И ответила: «Могу». Горестный вопрос и суровый ответ... Прозаическая заметка датирована: 1 апреля 1957 года... Чтобы соединить довоенные строфы в «Реквием», необходимы были пятидесятые—шестидесятые годы.

А чтобы и в самих страданиях прозвучал народный, материнский голос — измученный, но и властный, безысходный, но и всесильный, — необходим был тот путь, который прошла Ахматова...

Еще, быть может, с той поры, когда в душе навсегда осталась «памятна до боли тверская скудная земля», когда ранили совесть «осуждающие взоры спокойных, загорелых баб» (1913 год). Но главное, с той поры, когда был отвергнут чуждый голос, звавший: «Оставь Россию навсегда». 1917 год... Ахматова называет этот призыв эмигрировать — «речью недостойной». Так она избрала свой путь, неотделимый от пути Родины... «Мы ни единого удара не отклонили от себя» (1922 год).

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Никогда в поэзии Ахматовой не могла явиться нота обиды на страну, на народ, на Россию... Ведь она и не отделяла себя от России, от народа, от простых людей, от всего, что происходит со всеми... «Я была тогда с моим народом...» Не только «тогда» или когда-либо, а изначально и навеки... Вот строки самого раннего стихотворения, вошедшего в «Реквием» и датированного осенью 1935 года... Здесь уже взята интонация народного плача, древнего, как жизнь. Вот этот голос, хватающий за душу, идущий из глубин истории...

Уводили тебя на рассвете,
За тобой, как на выносе шла,
В тесной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть! —
Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

Лирическая героиня «Реквиема» Ахматовой, подобно лирическому герою «На поле Куликовом» Блока, погружена и в историю, и в современность; это образ — сегодняшний и исконный, глубоко русский. Героиня «Реквиема» — лицо особое, высшее: это Женщина, это Мать... А трагический сюжет «Реквиема» разворачивается все-таки не в отдаленной

истории, а сейчас, сейчас, когда возглашаются эти стихи-плачи, стихи-заклинания, стихи-проклятия... Ритмы сменяются, словно бы Мать ищет новые и новые интонации, чтобы заклясть, одолеть несчастье...

Трагическая исповедь, лирическое заклиание, горестный вопль обречают эпический характер. «Посвящение», написанное в марте 1940 года и предваряющее рассказ о судьбе сына и матери, начинается в песенном ключе, выражающем именно массовую душу огромного бедствия. Эти строки вбирают пушкинско-декабристские вольнолюбивые мотивы...

«Реквием» не обычный цикл стихотворений, а скорее поэма с огромным эпическим размахом. Тема личного горя, личной судьбы, плач матери по сыну, рассказ о конкретных событиях — все это далеко не исчерпывает «Реквиема». Лирический, автобиографический мотив постоянно окружен широчайшим «Куликовым полем» могучих эпических, национально-исторических и общечеловеческих переключек.

И самые современные (для периодов «ежовщины» и «бериевщины») зловещие штрихи, детали, выражения не натуралистичны, а грозно-музыкальны. Речь идет о восприятии Матери, у которой отняли Сына: «Звезды смерти стояли над нами, И безвинная корчилась Русь, Под кровавыми сапогами И под шинами черных маруш». Но трагедия развертывается в Истории, и оттого есть Надежда, ибо преступления влекут Возмездие. А начало «Реквиема», датированное 1957 и 1961 годами, уже говорит о ходе Истории.

Мудрость Ахматовой неотделима от ее мужества поэта. И «Реквием», заключенный, казалось бы, в раму отошедшей эпохи, продолжает кричать, рыдать, взывать о несчастье Матери, о беде народа... Невозможно «память до конца убить», невозможно даже умереть, невозможно ничего «унести с собою»...

С горестной иронией вспоминает Ахматова о своей давней лирической героине, «царскосельской веселой грешнице», о себе, о молодости, но без тени сожаления, ибо долг поэта и человека — быть со всеми... И от автобиографического мотива Материнский Плач поднимается до огромных общечеловеческих символов «Распятия».

Ибо нет страшнее горя Матери... Но нет и сильнее ее надежды... И нет победительней и властней ее молитвы, ее веры... «А я молюсь не о себе одной...» — говорит Мать в «Эпилоге».

«Эпилог» написан в марте 1940 года, но какой мощной веры, какого человеческого превосходства над палачами, тюремщиками исполнены эти непреклонные, бесслезные двустихия:

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть громохание черных марусь.

Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали
И тихо идут по Неве корабли.

Так и заканчивается «Реквием» — великий Плач Матери. Великий, горестный и гордый... А через два года, в феврале—марте 1942 года, мы услышим этот голос, да, этот голос, славящий «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах
И мужество нас не покинет.

Ибо нет мужества большего, чем мужество Матери. И мы слышим сегодня ахматовский «Реквием» как вещий знак надежд и чаяний нашего времени.

1987—1989

СОДЕРЖАНИЕ

Два берега. <i>Козельск и окрестности</i>	3
Голубые врата. <i>Малоярославец, 1812 год</i>	27
В гостях у журавлей. <i>Памяти Сергея Клычкова</i>	33
Плач и мужество. <i>«Реквием» Анны Ахматовой</i>	39

ЛЕСНЕВСКИЙ Станислав Стефанович

ГОЛУБЫЕ ВРАТА

Очерки

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 24.10.89. Подписано к печати 22.12.89. А 00434
Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт 2,28. Уч.-изд. л. 3,14
Тираж 150 000 экз. Зак. № 1412. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЦЕЛЕВЫЕ ВКЛАДЫ НА ДЕТЕЙ

● Каждый гражданин может открыть в Сберегательном банке счет на ребенка, которому еще не исполнилось 16 лет, и регулярно его пополнять.

● Если вклад хранился в банке 10 лет и вкладчик достиг 16-летнего возраста, доход выплачивается из расчета 4 процентов годовых.

● Дополнительные взносы принимаются в любых суммах как наличными деньгами, так и безналичным путем. Частичная выдача сумм из вклада не производится.

● Путем взносов на счета по целевым вкладам на детей родители, бабушки и дедушки или другие близкие люди могут накопить сбережения, которые окажут содействие подрастающему поколению при вступлении в самостоятельную жизнь.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР К ВАШИМ УСЛУГАМ!